

А. Чоловскій.

ЛВОВЪ

ВО ВРЕМЕНА

РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Д. Н. ЧИХАЧЕВА.

ПЕТРОГРАДЪ

1915

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

ЛДОНЪ

Им. Я. ГАЛАНА

Занятіе Львова русскими властями и воссоединеніе Галичины съ остальною Русью вызвали большой интересъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества къ древней вотчинѣ Св. Владиміра. Брошюра доктора Александра Чоловскаго, хранителя Львовскаго городского музея и извѣстнаго изслѣдователя прошлыхъ судебъ края, «*Lwów za Ruskich czasów*» можетъ пополнить пробѣлъ въ русской научно-популярной литературѣ о древнемъ княжескомъ русскомъ городѣ. Предлагаемая русскимъ читателямъ монографія, напечатанная на польскомъ языкѣ въ 1891 году, безпристрастно освѣщаетъ древнѣйшій періодъ исторіи Львова. По моей просьбѣ почтенный авторъ нѣсколько дополнилъ польское изданіе 1891 года.

Д. Н. Чихачевъ.

Львовъ.

Январь 1915 г.

Ad nos vix tenius famaе perla-
bitur aura.

(До насъ доходятъ только сла-
бые отзвуки преданій).

Virgilius.

Всѣмъ извѣстно, какимъ путемъ шло развитіе осѣдлой жизни. Сама природа въ этомъ отношеніи была путеводителемъ человѣку, подсказывала ему, гдѣ избрать мѣсто для поселенія. Человѣкъ, съ своей стороны, руководился этими указаніями, облегчающими ему его задачу. Въ чемъ же онъ ихъ находилъ: въ горахъ, въ лѣсныхъ пущахъ или непроходимыхъ степяхъ? Напрасно искали бы мы данныхъ въ исторіи для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Ни горъ, ни пущъ, ни степей, а береговъ водъ держался человѣкъ при выборѣ мѣста для поселенія. И такъ, вода намъ указываетъ, гдѣ люди впервые селились осѣдло, какъ и какими путями подвигались впередъ, такъ какъ сама вода была кормилицей, рѣки—естественной дорогой среди лѣсной чащи, а берега—самымъ удобнымъ мѣстомъ для осѣдлой жизни. И наоборотъ, полосы, отдаленныя отъ судоходныхъ рѣкъ, дольше всего оставались не заселенными, заросшими дѣвственнымъ лѣсомъ. Близость

воды имѣла вліяніе на развитіе осѣдлости, и въ этомъ отношеніи рѣдко можно встрѣтить большой городъ, не удовлетворяющій этому условію, дающему ему право на первенство.

Слѣдовательно, какимъ же исключеніемъ изъ всего сказаннаго является мѣстоположеніе Львова! На сѣверномъ краѣ подольской возвышенности, въ глубокой котловинѣ ¹, омываемой водами теперешней Пелтвы, вдали отъ большихъ рѣкъ, вырастаетъ столица края, насчитывающая болѣе 200 тысячъ жителей. Котловину широкимъ кольцомъ окружаютъ то крутые, то пологіе скаты горъ, прорѣзанные многочисленными ущельями и оврагами. Пелтва, которая здѣсь беретъ начало нѣсколькими истоками, прорѣзываетъ городъ съ юга и, направляясь къ сѣверу, образуетъ дальше обширную болотистую равнину. По южному краю котловины перевиваются рѣки Балтійскаго и Черноморскаго бассейновъ. Съ этой же стороны прилегаетъ однообразная возвышенность; наоборотъ, съ сѣверной стороны холмистая полоса возвышенія рѣзко отличается отъ сосѣднихъ равнинъ и представляетъ разнообразную и привлекательную картину. Начинается она Высокимъ Замкомъ и кончается на востокѣ Винникской горой. Съ высоты Замковой горы, какъ на ладони, открывается широкій горизонтъ, и глазъ, окидывая живописный ландшафтъ, получаетъ все новыя и новыя

¹ S. Płachetko: Das Becken von Lemberg. Lemberg. 1863; Dr. M. Kawczyński: Nauka geografii w polu w okolicy Lwowa, w Muzeum r. 1890.

впечатлѣнія, пока утомленный не отдохнетъ на Парашкѣ за Скольемъ, среди синѣющихъ вдали хребтовъ Карпатскихъ горъ.

Конечно, въ красивыхъ видахъ нѣтъ недостатка во Львовѣ, но это не объясняетъ еще, почему онъ возникъ именно тутъ. Поэтому, перенесемся во времена той эпохи, когда въ львовской котловинѣ человѣкъ сталъ впервые устраивать свое жилище. Чѣмъ же инымъ она могла ему тогда представляться, какъ не дикой мѣстностью, прорѣзанной болотами и ручьями, свободно шумящими среди лѣсной чащи, богатой разнаго рода звѣрями? Долго, даже въ историческія времена Руси, мѣстность эта оставалась такой же дикой, несмотря на то, что кругомъ вырастали города, мѣстечки и села. Откуда же сразу въ этомъ мѣстѣ въ XIII вѣкѣ появляется городъ, который быстро достигаетъ такого развитія, что становится столицей края? Остановившись на этомъ, невольно приходишь къ мысли, что только стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, заставляющихъ людей искать прибѣжища въ мѣстахъ недоступныхъ, могло вызвать необходимость возникновенія города здѣсь, вдали отъ дорогъ и водъ. Дѣйствительно, исторія подтверждаетъ это предположеніе.

Въ 1241 году Русь переживала такое памятное въ своей исторіи время, когда по ней передвигались орды Батыя ¹, подобныя громовымъ тучамъ, наводящія ужасъ и смятеніе. Широко раскинувшись

¹ Лѣтопись по ипатьевскому списку. Спб. 1871. Стр. 522 и посл. O. Wolff. Geschichte der Mongolen u. Tartaren. Breslau. 1872.

по всей странѣ, онѣ принесли ей гибель. Всякое сопротивленіе было тщетно; дикіе монголы ворвались въ такомъ громадномъ количествѣ, что, по свидѣтельству современнаго лѣтописца, «отъ гласа скрипанья ихъ телѣгъ, ревѣнія вельблудъ и ржанія стадъ конь» заглушались всѣ другіе звуки. Подъ ихъ натискомъ города и церкви «нѣсть числа» превратились въ кучу развалинъ, боярскіе дворы и села смердовъ исчезали съ лица земли, и испуганные князья со своей «челядью» разбѣгались въ чужіе края. Все живущее удалялось въ лѣсныя чащи и недоступныя горы; поля превращались въ дикую степную пустыню,—врагъ захватывалъ все оставшееся. Изъ городовъ уцѣлѣли только Кременецъ и Козельскъ. Въ Кіевѣ, «матери русскихъ городовъ», святыя алтари поросли травой. Во Владимірѣ не осталось ни одной живой души, всѣ его церкви были наполнены трупами, а Галичъ, столица Даніила, превратился въ пепелъ и навсегда утратилъ свое значеніе. То же самое было повсюду; только въ забытыхъ уединенныхъ мѣстахъ кое-гдѣ уцѣлѣли кучки людей отъ общаго истребленія. Недавно населенный край остался безъ людей, безъ управленія, а разлагающіеся трупы не давали возможности даже приблизиться къ мѣстамъ бывшихъ городовъ. Разрушеніе было однимъ изъ величайшихъ въ исторіи, времена же столь ужасны, что живущіе,—говоритъ лѣтописецъ,—завидовали покою мертвыхъ.

Но этимъ не кончились бѣдствія. Съ разореніемъ прекратилась и самостоятельность русскихъ князей. Сѣверо-Западная Русь покорилась тогда же. Князья

Одинъ за другимъ шли въ ханскую ставку подъ Ах-тубой цѣловать басму, т.-е. изображеніе ханской ступни, кланялись монгольскимъ болванамъ и принимать изъ рукъ хана княжеское достоинство. Только галицко-володимерскій удѣлъ нѣкоторое время еще сохранялъ свою независимость. Разореніе, однако же, вмѣсто того, чтобы открыть глаза спесивымъ боярамъ на дальнѣйшія послѣдствія, повело къ тому, что они, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, подѣлили край между собою.

Прослѣдимъ дальше за ходомъ этихъ событій, углубимся въ ту эпоху и поищемъ тамъ свѣдѣній о львовской столицѣ.

Галицкій князь Даніилъ, вернувшись въ свой край послѣ скитаній, прежде всего долженъ былъ отобрать его отъ собственныхъ подданныхъ. О томъ, чтобы изгладить слѣды разрушенія, вначалѣ не было вовсе и рѣчи. Прежде всего надо было устранить внутреннихъ враговъ, обуздать набѣги Литвы и ятвяговъ и окончательно покорить венгровъ, помогающихъ мятежникамъ.

Послѣ многолѣтнихъ усилій, благодаря своему упорству и настойчивости, Даніилъ въ 1249 году вступилъ на престолъ и, побѣдоносно утвердившись на немъ, тотчасъ же обратилъ свое вниманіе на внутреннее состояніе края и на висящую надъ нимъ постоянную опасность. Онъ хорошо понималъ, что рано или поздно его постигнетъ судьба Восточной Руси, надо было прочнѣе оградить себя отъ нападеній. Желая, если не совершенно ихъ предотвратить, то, по крайней мѣрѣ, оттянуть катастрофу, онъ рѣшилъ

установить внутренний порядокъ, возстановить старину, усилить край укрѣпленными городами, создать новые очаги обороны, торговлю и промышленность. Что значить хорошо укрѣпленный городъ,—онъ могъ судить по Козельску, который устоялъ передъ татарскими полчищами. Однако, едва онъ принялся за исполненіе своего плана, какъ въ 1250 году отъ Батые пришли послы съ грознымъ требованіемъ: «дай Галичъ», или иными словами: отдай твою столицу, а этимъ самымъ и галицкій удѣлъ, въ распоряженіе хана. Услыхавъ это, князь «бысть въ печали велицѣ,—говорить лѣтописецъ ¹,—зане не утвердилъ бѣ земель своея города»; оставался одинъ выходъ: лично поклониться хану, признать до поры до времени его верховную власть, и, такимъ образомъ, цѣной покорности и ежегодной дани, удержаться во владѣніи «полуотчины». Съ отчаяніемъ рѣшился на это Даниилъ, но, когда возвратился къ своимъ отъ хана, «бысть плачь обидѣ его». Глубоко ее почувствовалъ князь, и съ тѣхъ поръ сверженіе татарскаго ига стало главной задачей его политики. До самой смерти онъ не переставалъ стремиться къ этой цѣли и, чтобы ея достигнуть, онъ употреблялъ различные способы. Съ одной стороны, онъ заключаетъ миръ съ венгерскимъ королемъ Бѣломъ IV, женить ² на его дочери Констанціи (1250 г.) своего старшаго сына Льва и, ища сближенія съ Западомъ, вмѣшивается въ распри нѣмцевъ, воюетъ съ чешскимъ королемъ Вацлавомъ,

¹ Лѣтопись, стр. 535.

² Лѣтопись, стр. 537.

а съ Болеславомъ V Стыдливимъ и Земовитомъ княземъ мазовецкимъ завязываетъ тѣсную дружбу. При посредствѣ короля онъ вступаетъ въ оживленныя сношенія съ Римомъ ¹ и рассчитываетъ на его помощь «противъ поганныхъ». Папа Иннокентій IV, пользуясь случаемъ, не скупится на обѣщанія, имѣя въ виду открыть дорогу католической пропагандѣ на Руси.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Даниилъ проявляетъ горячую дѣятельность въ дѣлѣ внутренняго усиленія края путемъ колонизаціи и укрѣпленія его многочисленными городами. Конечно, еще до татарскаго набѣга такихъ городовъ на Руси было много. Въ самомъ галицко-володимерскомъ княжествѣ, по мнѣнію лѣтописца, ихъ было свыше пятидесяти, но безъ сомнѣнія насчитывалось и болѣе. Набѣгъ Батыя снесъ до основанія большинство изъ нихъ. Всѣ ли города Даниилъ снова отстроилъ,—утверждать трудно, однако, достовѣрно извѣстно, что многіе изъ нихъ какъ: Теремовль, Белзь, Звѣнигородъ утратили свое прежнее значеніе. Самъ Галичъ пересталъ быть столицей и центромъ послѣдующихъ событій. Даниилъ пожелалъ имѣть такую столицу, гдѣ онъ вполне могъ бы чувствовать себя въ безопасности даже со стороны своихъ дерзкихъ бояръ, главнымъ гнѣздомъ которыхъ и былъ именно старый Галичъ. Наконецъ, этотъ городъ, находящійся ближе къ краю владѣній, а тѣмъ

¹ К. А. Петрушевичъ. Тайные переговоры князя Даниила Романовича съ римскимъ престоломъ и т. д. въ «Историческомъ извѣстіи о церкви св. Пантелеймона, близъ Галича». Львовъ. 1881, стр. 52—68.

болѣе на татарской дорогѣ къ Венгріи, къ тому же уже разрушенный набѣгами, не гарантировалъ ему безопасности. Не безосновательно поэтому предположеніе, что самъ Данииль, будучи въ Ордѣ, общалъ хану не укрѣплять въ дальнѣйшемъ упомянутой столицы. Въ силу этого, онъ заложилъ новую столицу въ Холмѣ, почти въ 30 миляхъ къ сѣверу. И вотъ, Холмъ, объ основаніи котораго пространно рассказываетъ лѣтописецъ, занимаетъ съ тѣхъ поръ мѣсто Галича. Изъ другихъ городовъ, заложенныхъ въ то время около Холма, извѣстны только Угорескъ и Даниловъ; лѣтописецъ говоритъ вообще, что Данииль отстроилъ ихъ множество «противу безбожнымъ татаромъ», укрѣпилъ надлежащимъ образомъ и украсилъ церквами ¹.

Населеніе новаго города составляли, рядомъ съ уцѣлѣвшими коренными жителями, выходцы изъ чужихъ земель. Къ Руси ихъ притягивала свобода, природныя богатства края, надежда на благосостояніе и общанія князя. Многіе изъ Заднѣпровской Руси, чтобы избѣгнуть ига татаръ и еще болѣе поляковъ и нѣмцевъ, спѣшили въ богатыя галицко-володимерскія земли. Лѣтописецъ, рассказывая о созданіи Холма, передаетъ ², что «день и во день» въ тотъ городъ шли нѣмцы: купцы, промышленники и ремесленники, ибо именно въ послѣднихъ послѣ татарскихъ набѣговъ на Руси былъ наибольшій недостатокъ. То же самое наблюдалось и всюду. Нѣмцы

¹ Лѣтопись, стр. 570.

² Лѣтопись, стр. 558.

изъ Силезіи, Саксоніи и съ Рейна были главными поселенцами края. Съ ихъ наплывомъ города, еще недавно русскіе, уже тогда начали утрачивать свой національный характеръ; элементъ нѣмецкій взялъ верхъ и забралъ въ свои руки почти всю торговлю, промышленность и ремесла. Поэтому-то вновь развивающаяся русская культура и находится подъ очевиднымъ вліяніемъ Запада. Вліяніе это при самомъ Даніилѣ окончательно окрѣпло, когда въ 1253 году прибылъ въ русскую землю папскій легатъ Опизо, принесшій «вѣнецъ, скипетръ и корону». Даніилъ, прельщенный обѣщаніемъ помощи, ободренный сосѣдями и ослѣпленный будущимъ блескомъ, принялъ знаки королевскаго достоинства и торжественно короновался въ Дрогичинѣ.

Это событіе, одно изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи Галицкой Руси, не упрочило однако положенія и не принесло обѣимъ сторонамъ ожидаемыхъ выгодъ. Обманулся папа, мечтая о церковной уніи, не дождался Даніилъ обѣщанной Западомъ помощи. Папскія буллы, призывающія къ крестовымъ походамъ, не имѣли никакого вліянія. Вскорѣ наступило взаимное разочарованіе, а со смертію Иннокентія IV (1255 г.) сношенія прекратились.

Даніилъ, ограниченный въ своей власти, не оставялъ мысли о сверженіи татарскаго владычества, и вѣсти о его приготовленіяхъ въ этомъ направленіи дошли даже до Орды. Въ 1255 г. были сдѣланы первые шаги въ Понизьѣ около Бакоты, а двумя годами позднѣе, Даніилъ открыто объявилъ татарамъ войну. Этотъ фактъ ясно говоритъ, что мысль укрѣпленія

края городами къ тому времени была уже приведена въ исполненіе, иначе король Руси не отважился бы на подобный шагъ. Сначала дѣла его шли успѣшно. Куремза, слабый татарскій темникъ, не могъ удержаться на мѣстѣ сраженія, и всѣ города вплоть до Кіева были у него отобраны. Быстро однако онъ собралъ новыя силы и въ 1259 г. внезапно сталъ подъ Луцкомъ. Князья выступили противъ него, — Даніиль собиралъ силы въ Холмѣ, а братъ его Василько во Владимірѣ. Ждали только прибытія Льва, которому дали знать объ опасности. Въ это именно время королевская столица Холмъ подверглась значительному разрушенію, охваченная случайнымъ пожаромъ ¹.

Фактъ этотъ, второстепеннаго значенія для исторіи вообще, въ исторіи Львова является особенно важнымъ. Лѣтописецъ говоритъ, что «сицю пламени бывшу и со Львова зряще видити по полемъ бѣлзскимъ отъ горѣнія силнаго пламени».

Въ вышесказанныхъ словахъ, переданныхъ мимоходомъ, мы имѣемъ *первое историческое упоминаніе о нашемъ городѣ*, свидѣтельствующее прежде всего о томъ, что тогда онъ уже существовалъ. Съ этого времени въ исторіи края появляются о немъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, которыя и приведемъ для большей ясности, прежде чѣмъ приступимъ къ критическому разбору ихъ.

Упомянутый татарскій походъ на Луцкъ не удался, и слава Даніила возросла. Но на слѣдующій годъ

¹ Лѣтопись, стр. 557.

все измѣнилось. Мѣсто Куремзы занялъ воинственный «безбожный, злый» темникъ Бурундай. Двинувшись съ кочевокъ, онъ не сразу выступилъ со своими силами, но, подъ предлогомъ похода на Литву, сначала обстоятельно разузналъ объ укрѣпленіяхъ отстроенныхъ городовъ, для чего прибѣгнулъ къ хитрости. Въ 1261 году Бурундай съ многочисленными ордами вторгся въ русскія земли, задержался въ Шумскѣ и послалъ оттуда воззваніе князьямъ, собраннымъ во Владимірѣ на свадьбѣ дочери Василька: «ести вы мои мирници, срѣтѣте мя а кто не срѣтитъ мене, тый ратный мнѣ». Желая сохранить наружно добрыя отношенія, безъ замедленія и ничего не подозревая, двинулись къ нему съ дарами Василько и Левъ, только Даніилъ вмѣсто себя послалъ холмскаго владыку. Бурундай грозно принялъ ихъ и, раскричавшись, обратился къ нимъ съ такими словами: «ести вы мои мирници, розмечѣте же города своѣ всѣ» ¹. Малѣйшее сопротивленіе грозило князьямъ неволей, они не могли рассчитывать на помощь, и, такимъ образомъ, чтобы и самимъ уцѣлѣть и предотвратить новое разрушеніе края, они должны были удовлетворить требованіе и съ болью сердца приложить руки къ уничтоженію того, что считали важнѣйшимъ для обороны. Это касалось главнымъ образомъ большихъ городовъ. Оба князя отдали приказъ, чтобы въ присутствіи татарскихъ посланцевъ были разрушены и срыты ихъ укрѣпленія. Такимъ образомъ, были снесены укрѣпленія Кременца,

¹ Лѣтопись, стр. 562.

Луцка, Владиміра, Стожка и Данилова, «оттолѣ же Левъ пославъ *Львовъ розмета*». Вотъ *второе* упоминаніе, которое встрѣчается объ этомъ городѣ въ волинской лѣтописи.

Король Даниль, узнавъ о неожиданномъ поворотѣ дѣла, пораженный, ушелъ на нѣкоторое время въ Польшу, а затѣмъ въ Венгрію. Галицко-володимерская Русь, лишенная обороны, увидѣла себя совершенно покоренной. Изъ городовъ одинъ лишь Холмъ, удержавшій свои укрѣпленія, не поддался. Вдобавокъ, оба князя Василько и Левъ, какъ татарскіе союзники и подданные, должны были принимать участіе со своими войсками въ походахъ на Польшу и Литву. Литовцы въ отместку опустошили сѣверную сторону. Въ это время среди новаго замѣшательства умираетъ Даниль (1266 г.) ¹, огорченный неудачами и разореніемъ края. Погребли его въ его любимомъ Холмѣ въ церкви Пресвятой Богородицы, которую онъ самъ выстроилъ ².

Со смертью перваго короля Руси прекращается прежнее согласіе въ княжескомъ семействѣ. Старшій сынъ его Левъ удержалъ за собой обладаніе перемышльскимъ удѣломъ, въ то время какъ остальными землями управляли младшій братъ Шварно и дядя Василько. Только послѣ смерти брата (1271 г.) Левъ сталъ править всѣмъ галицкимъ княжествомъ, но онъ ничѣмъ не походилъ на своего отца. Тогда какъ

¹ Die Geschichtsquellen der preuss. Vorzeit. Leipzig. 1861. т. I, стр. 762.

² Лѣтопись, стр. 570.

Даніилъ поставилъ цѣлью всей своей жизни освобожденіе края отъ власти дикихъ монголовъ, о Левѣ лѣтописецъ съ горечью говоритъ, что «онъ охотно ходилъ съ татарами», чтобы грабить съ ними сосѣдей и коварно нападать съ ихъ помощью на своихъ же братьевъ. Быть можетъ, этимъ путемъ онъ хотѣлъ обезпечить себѣ престолъ, такъ какъ никакой другой задней мысли не могло быть у него. Мстительный и жестокій Левъ былъ постояннымъ противникомъ союзной политики съ Западомъ и Литвой, вслѣдствіе чего жилъ во враждѣ со всей своей родней.

Покорность татарамъ не принесла князьямъ ничего хорошаго, хотя этой цѣной они получили возможность снова отстроить свои города. Постоянныя прохожденія многочисленной орды, отправляющейся въ походы на Польшу, Литву или Венгрію, истощали силы русскихъ союзниковъ, разоряли ихъ земли, при этомъ татары грабили народъ, который они меньше всего щадили, особенно когда во главѣ ихъ стали темники Ногай и Телебуга. Самъ Левъ неоднократно долженъ былъ почувствовать всю тяжесть татарской дружбы. Разбитый въ 1281 году Лешкомъ Чернымъ онъ давно потерялъ всякое уваженіе своихъ властителей, которые изъ его удѣла устроили себѣ источникъ, откуда могли черпать живность, коней и всякіе запасы для своихъ походовъ. Особенно однако роковымъ для Льва былъ 1283 годъ, когда зимою Телебуга, возвращаясь съ похода на Польшу, «пойде,—говоритъ лѣтописецъ ¹—на Лвову землю,

¹ Лѣтопись, стр. 589.

на городъ на Львовъ. И стояша на Львовъ землѣ двѣ недѣли, кормячесь, не воююще, и не дадыхуть ни изъ города вылѣзти въ зажитѣ кто же выѣхашеть изъ города, овы избываша, а друзіи поимаша, а иныя излупивше пушаху нагы, а тѣи отъ мороза изомроша, зане бысть зыма люта велми и учиниша землю пусту всю». И такимъ образомъ, цѣлая мѣстность обратилась въ пустыню. Множество людей погибло отъ голода, болѣзней и мороза.

И не послѣдній разъ почувствовала Галицкая Русь подобный гнетъ со стороны татаръ. Лѣтописецъ ¹ подъ годомъ 1287 снова вспоминаетъ, не вдаваясь въ болѣе точныя подробности, что Телебуга *«пошелъ на Львовъ»*.

На этой подробности обрываются всѣ скудныя упоминанія лѣтописца о городѣ Львовѣ въ XIII вѣкѣ. Не много свѣта проливаютъ они на давнѣйшую эпоху города, но безъ того она совершенно была бы покрыта мракомъ. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, что Львовъ существовалъ уже до 1259 года, ибо онъ долженъ былъ быть сильно защищеннымъ, если татары домогались разрушенія его укрѣпленій. Левъ удовлетворилъ это требованіе и приказалъ разрушить укрѣпленія, но въ послѣдующіе годы, повидимому, городъ снова былъ укрѣпленъ, разъ что въ 1283 г. народъ искалъ тамъ защиты, и городъ выдержалъ двухнедѣльную осаду.

На ряду съ источниками той эпохи остались еще позднѣйшіе, мѣстные львовскіе, которые такъ или

¹ Лѣтопись, стр. 592.

иначе заслуживаютъ вниманія. Мы имѣемъ въ виду труды Алембека и Бартоломея Зиморовича о Львовѣ. Первый изъ нихъ, потомокъ старыхъ львовскихъ горожанъ и ратманъ города, оставилъ намъ свое повѣствованіе ¹ отъ начала XVII вѣка, въ предисловіи котораго указываетъ, что «Леонъ, или Левъ, сынъ Данила, короля Южной Руси, заложилъ Львовъ около 1270 года съ двумя замками, изъ которыхъ одинъ поставилъ въ самомъ городѣ, а другой—на высокой прилегающей горѣ. Эти деревянные замки были построены такъ, какъ теперь обыкновенно ихъ строятъ въ сѣверныхъ странахъ. Этотъ же властитель обнесъ городъ валомъ и двумя широкими и глубокими рвами и помѣстилъ въ городѣ особый воинскій отрядъ, состоящій изъ армянъ, въ 1280 г.».

Не столь пространно описываетъ русскій Львовъ Б. Зиморовичъ, львовскій гражданинъ, историкъ и поэтъ. Въ своемъ трудѣ, относящемся къ половинѣ XVII вѣка, подъ названіемъ *Leopolis triplex* (Тройной Львовъ) ² онъ посвятилъ особую главу старѣйшей эпохѣ своего города. Повторять все дословно было бы излишнимъ, интересующихся отсылаемъ къ этой книгѣ, а здѣсь ограничимся краткимъ изложеніемъ помѣщенныхъ въ ней подробностей.

¹ *Topographia civitatis Leopoltanae. Archivum miejskie* III. A. 224; w polsk. tłumacz. *Pamiętnik lwowski*. r. 1816, t. I, str. 3—14.

² Оригиналъ пропалъ; копія въ библ. Оссол. ркп. л. 125 и 1876, перев. на польскій яз. М. Пивовскимъ подъ назв. *Исторія города Львова, Львовъ*. 1833. *Pisma I. B. Zimorowicza do dziejów Lwowe*, wydał do. Heck. Lwów. 1895.

Такъ же какъ и Алембекъ, но обстоятельнѣе, рассказываетъ Зиморовичъ ¹, что русскій князь Левъ, притѣсняемый татарами, опустошавшими его владѣнія, рѣшилъ для обороны края выстроить укрѣпленный городъ. Для этой цѣли въ 1270 году онъ выбралъ въ чертѣ своего удѣла гору крѣпкую и недоступную, построилъ на ея вершинѣ замокъ изъ бревенъ, обнесъ его частоколомъ и назвалъ «Льви-городъ», «Львовъ». Сюда онъ перенесъ свои сокровища и поселился самъ, но не надолго. Сильные вѣтры и другія неудобства заставили его выстроить неподалеку другой укрѣпленный замокъ, низкій, гдѣ онъ и поселился, а первый предназначилъ для склада оружія и сокровищъ. Пространство между обоими замками начали заселять дворяне и слуги князя, которые построили здѣсь себѣ дома и проложили улицы; такъ выросъ «подзамковый городъ, который даже до нашего времени,—говоритъ Зиморовичъ,—переполненъ русскими, а особенно армянами и евреями». Вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ окрестное населеніе, съ каждымъ разомъ все въ большемъ количествѣ, стало стекаться къ замкамъ, «такъ что ни на возвышенностяхъ, ни въ долинахъ не могли помѣститься». Поэтому Левъ приказалъ очистить отъ лѣсовъ долину, расположенную ниже замковъ, и предназначилъ ее собственно для города. При его закладкѣ онъ отвелъ каждой національности особый участокъ. Русскіе получили сторону на востокъ, евреи и сарацины—южную, армяне и татары—сѣверную, а запад-

¹ Historia, tłumacz. Piwockiego, str. 61—96.

ную, гдѣ былъ выстроенъ низкій замокъ, взялъ князь для себя и для двора. Изъ этого смѣшаннаго населенія и образовался Львовъ, или Львигородъ, названный такъ по имени своего основателя, подобно многимъ другимъ русскимъ городамъ. Уже во времена Льва онъ достигъ большого значенія, какъ столица князя и главный на Руси торговый городъ. Здѣсь же, при дворѣ князя, пребывала его мачеха (sic) Констанція, женщина добродѣтельная и набожная. Она имѣла на князя такое большое вліяніе, что тотъ уступилъ ей «свои княжескія палаты, въ которыхъ жилъ еще передъ постройкой обоихъ замковъ». Слухи о набожной жизни Констанціи привлекли даже послѣдователей греческаго исповѣданія, которые «толпами» начали стекаться ко Львову и строить монастыри. Въ особенности же она, какъ католичка, уважала послѣдователей ученія св. Доминика и Франциска, посланныхъ въ Русь для проповѣди. Подъ ея покровительствомъ они построили себѣ монастыри, чего Левъ, занятый приведеніемъ въ порядокъ и укрѣпленіемъ города, не запрещалъ. Въ это же время во Львовъ пріѣхалъ дядя Льва Василиій и, принявъ монашество, поселился въ пещерѣ, выдолбленной въ горѣ, прилегающей къ городу. По его просьбѣ Левъ соорудилъ на вершинѣ этой горы церковь изъ буковаго дерева и посвятилъ ее Св. Юрію, а около нея выстроилъ жилища для монаховъ. Вскорѣ затѣмъ, въ 1282 году, онъ перенесъ прахъ своего отца изъ Галича (sic) во Львовъ, гдѣ совершилъ торжественное погребеніе, описанное подробно Зиморовичемъ. У Зиморовича встрѣчаемъ также подробныя

сообщенія, почерпнутыя изъ «книги, написанной древне-славянскимъ письмомъ» объ образѣ Ченстоховской Божіей Матери. Образъ этотъ, написанный, какъ говорятъ, св. Лукой, находился въ львовскихъ сокровищахъ Льва и имъ же былъ отданъ на сохраненіе монахамъ при церкви св. Онуфрія, отъ которыхъ онъ и былъ переданъ въ Ченстоховъ княземъ Владиславомъ Опольскимъ. Послѣ закладки города Левъ неоднократно совершалъ съ татарами походы на Польшу, занимался грабежами, забиралъ плѣнныхъ; подъ старость, однако, онъ смягчился, одѣлъ монашеское платье и раскаялся въ своихъ грѣхахъ. Умеръ онъ въ 1301 году и былъ погребенъ безъ всякой пышности, даже неизвѣстно, гдѣ именно. Таково повѣствованіе Зиморовича.

На приведенныхъ свѣдѣніяхъ о русскомъ Львовѣ основываются всѣ изысканія въ области выясненія условій возникновенія, мѣстоположенія и развитія Львова въ самую давнюю пору его исторіи. Въ этомъ отношеніи въ трудахъ нѣтъ недостатка. Достаточно припомнить только труды: Ходынецкаго, Зубржицкаго, Петрушевича, Вагилевича, Видмана, Распа, Кунасевича и особенно проф. Шараневича, который неоднократно высказывался по этому вопросу. Какіе же результаты въ общемъ были достигнуты? Здѣсь недостаточно сказать объ этомъ вкратцѣ, хотя бы только для того, чтобы показать, насколько вопросъ этотъ оказался выясненнымъ.

Оставляя въ сторонѣ Ходынецкаго ¹, который

¹ *Historya miasta Lwowa. Lwów. 1829.*

о старѣйшей эпохѣ Львова не могъ сказать ничего больше того, что сообщилъ Зиморовичъ, приведемъ прежде всего Зубржицкаго ¹, который ссылается на Карамзина и даетъ подробныя свѣдѣнія о Львовѣ 1259 и 1261 г.г. и, не вѣря совершенно на этомъ основаніи Зиморовичу, утверждаетъ, что Львовъ возникъ въ далекой древности. Онъ не былъ заложенъ княземъ Львомъ, но носилъ имя царя звѣрей,—коротко отдѣляется Зубржицкій о цѣломъ періодѣ.

Только Вагилевичъ ² болѣе обстоятельно коснулся вопроса возникновенія и первоначальнаго положенія Львова. По его мнѣнію, Львовъ заложилъ Даниилъ Романовичъ около 1250 г. и назвалъ его такъ по имени своего сына Льва. Этотъ первоначальный Львовъ былъ расположенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится село Вознесенье, а княжескій замокъ былъ на горѣ, называемой (въ XVI в.) горой Льва ³, откуда и можно было видѣть зарево пожара Холма, и гдѣ слѣды пожарища намъ указываютъ, что какое-то большое строеніе здѣсь было уничтожено огнемъ. Тотъ Львовъ существовалъ недолго, такъ какъ въ 1261 году былъ разрушенъ по приказанію темника Бурундая. Правда, въ послѣдующіе годы его отстроили, но онъ не былъ укрѣпленъ и продержался очень короткое время. Въ началѣ XIV вѣка внукъ Даниила Левъ Мстиславовичъ залo-

¹ Kronika maista Lwowa. Lwów. 1844, str 5.

² Początki Lwowa, w Kółku rodzinnem. Lwów 1860, str 111; Akta grodzkie i ziemskie t. III str. 40—45 w dopiskach do diplomu z 1368 r.

³ Теперь очевидно уже скрыта—противъ холма Уніи.

жилъ другой Львовъ, какъ говоритъ литовскій лѣтописецъ XVI вѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминаетъ, что великій князь литовскій Тройденъ послалъ сына своего Рымонта «для изученія русскаго языка къ Льву Мстиславовичу, который заложилъ городъ Львовъ, названный такъ по его имени». Этотъ новый Львовъ опирался на два замка—верхній на Лысой горѣ, и нижній—на сосѣднемъ пригоркѣ подъ названіемъ Будельница, у подножья котораго была базарная площадь, каплица св. Іоанна Крестителя, а кругомъ много церквей. «Доказательствомъ же того,—говоритъ Вагилевичъ,—что городъ простирался тогда подъ горами Льва и Лысой, могутъ отчасти служить окопы, находящіеся на Лычаковскомъ предмѣстьѣ, а именно: первые отъ Стрѣльницы до Пекарской, другіе около монастыря Сакраментокъ, третьи около Лычаковского кладбища, и на одинаковомъ разстояніи должны находиться окопы на Жолкевскомъ предмѣстьѣ, какъ обычно устраивались укрѣпленія въ древнія времена на Руси, и дѣйствительно что-то въ этомъ родѣ есть въ Вознесенѣ».

Предположенія Вагилевича проф. Шараневичъ ¹ призналъ справедливыми и въ 1861 году развилъ ихъ далѣе на основаніи труда Зиморовича. Онъ именно согласился, что Львовъ былъ отстроенъ въ 1250—1255 годахъ Даніиломъ для сына Льва и поэтому такъ и названъ. Первое мѣстоположеніе города было тамъ, гдѣ теперь находится село Вознесенье, названное такъ позднѣе отъ церкви Вознесенья.

¹ Стародавній Львовъ (1250—1350). Львовъ. 1861.

Между Вознесенемъ и цесарской рощей «находятся террасы, ущелья, овраги страннаго вида, можетъ быть это остатки (?) окоповъ, валовъ и рововъ укрѣплений первоначальнаго Львова, разрушеннаго Бурундаемъ въ 1261 г.». Львовъ, вторично отстроенный Львомъ, вмѣщалъ въ себѣ два замка, верхній—на горѣ, нижній—внизу, гдѣ-нибудь около церкви св. Николая. Между ними по пригоркамъ бояре отстроили себѣ терема «какъ гнѣзда ласточекъ». Вслѣдствіе наплыва чужеземцевъ и нашествія татаръ населеніе возростало, поэтому Левъ приказалъ прилегающую котловину очистить отъ лѣсовъ и построить изъ бревень дома. Такъ возникъ городъ Львовъ тамъ, гдѣ онъ стоитъ и по сіе время. Левъ раздѣлилъ его на четыре участка, укрѣпилъ башнями; главная изъ нихъ находилась тамъ, гдѣ теперь соборъ св. Юрія, и защищала входъ въ городъ. Костель св. Іоанна, нѣкогда православная церковь, является стариннѣйшей постройкой города, и уже въ 1250 году онъ принадлежалъ Васильянамъ. Кромѣ него были еще церкви св. Николая, Федора, Онуфрія и Богородицы. Что касается внутреннихъ отношеній, то проф. Шараневичъ представилъ ихъ по Зиморовичу, пополнивъ подробностями изъ волынской хроники.

Восемь лѣтъ спустя К. Видманъ ¹, описывая костель св. Іоанна Крестителя, согласился, что въ 1234 году имъ завладѣли доминиканцы. Слѣдовательно, костель этотъ уже существовалъ въ посе-

¹ Kościół św. Jana Chrzciciela we Lwowie. Wiadomość historyczna z fotografią. Lwów. 1869.

леніи, которое впослѣдствіи, около 1250 года, получило названіе Львова. Вѣроятно, что поселеніе называлось Вознесенъемъ. Что касается фیزیоміи стараго Львова, то г. Видманъ приводитъ слова профессора Шараневича и только въ томъ расходится съ нимъ, что, подобно Вагилевичу, принимаетъ другое основаніе Львова Львомъ Мстиславовичемъ въ началѣ XIV в., «гдѣ теперь Жолкевское и Краковское предмѣстья между обоими замками», откуда городъ былъ перенесенъ въ польскія времена въ то мѣсто, гдѣ лежитъ теперь.

То же самое утверждаетъ Распъ ¹. Однако, по его мнѣнію, старый русскій Львовъ находился издавна тамъ, гдѣ теперь Вознесенъе. На холмѣ былъ замокъ князя съ церковью Вознесенія, а у подножья селеніе. Татарскій набѣгъ уничтожилъ его въ 1241 г. Сынъ Даниіла Левъ перенесъ столицу во Львовъ, построилъ на вершинѣ горы укрѣпленный замокъ, а у подножья другой, съ каплицей св. Іоанна Крестителя для своей жены Констанціи, которая была католичкой. Туда пришли изъ Кіева доминиканцы. Около нижняго замка, вдоль горы, возникъ новый Львовъ съ церковью св. Николая. Старое же поселеніе получило названіе Вознесенья.

Кунасевичъ ² въ своемъ трудѣ о доминиканскомъ костелѣ соглашается съ Ходыкевичемъ ³, ученымъ

¹ Beiträge zur Geschichte d. Stadt Lemberg. Wien. 1870, стр. 3—6.

² Przechadzki archeologiczne po Lwowie. Lwów. 1871. Zeszyt 2 i 3 str. 125—134.

³ De rebus gestis in provincia Russiae Ordinis Praedicatorum Commentarius libris XI digestus etc. Berdiczoviae 1780 p. 10.

доминиканцемъ XVIII вѣка, что прежде, нежели Львовъ былъ отстроенъ, миссіонеры, помощники Іакинѣа Одровонжа, соорудили въ 1223 году костель Іоанна Крестителя, который и былъ ихъ первымъ убѣжищемъ. Затѣмъ, Констанція, жена Льва, католичка, упросила мужа, чтобы онъ даровалъ для постройки костела и монастыря то мѣсто, гдѣ былъ его дворецъ. Авторъ приводитъ въ доказательство этого свидѣтельство Льва 1270 года ¹ и хотя считаетъ его поддѣльнымъ, однако полагается на него и затѣмъ на основную таблицу ² еп. Сѣраковскаго отъ 1764 г. Таблица эта указываетъ между прочимъ, что Іакинѣъ Одровонжъ привелъ доминиканцевъ за 32 года до основанія Львова. Прибавивъ это число лѣтъ къ предыдущей датѣ Ходыкевича—1223, Кунасевиць торжественно открываетъ, что Львовъ былъ заложенъ въ 1255 году и именно тамъ, гдѣ находится Вознесенье, и только позднѣе былъ перенесенъ подъ гору.

Вотъ какъ трактовался вопросъ о старомъ Львовѣ, о датахъ его основанія и положенія въ предѣлахъ Вознесенья. Однако, въ 1875 г. профессоръ Шараневичъ, послѣ дальнѣйшихъ изслѣдованій, измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ и въ нѣсколькихъ трудахъ ³ высказалъ новое, а именно, что первое

¹ Bibl. zakł. nar. im. Ossol. r. 1843, t. VIII, str. 147—155.

² Взятую изъ источниковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

³ Гдѣ стоялъ первичный король русскимъ Данииломъ построенный Львовъ. Въ географ.-историч. статьѣ. Львовъ. 1875, стр. 24—43; Указанія въ писанныхъ источникахъ. Львовъ 1886, стр. 23—35. Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго Ставропигіанскаго братства. Львовъ. 1886, стр. 1—6.

мѣстоположеніе Львова, заложеннаго Даниломъ, находилось далеко, т. е «на горахъ, возвышающихся надъ деревнями Запытовымъ, Подбережцами и Кживчицами, вблизи такъ называемой Чортовой скалы, или даже частью и на ней», такъ какъ именно съ этой скалы всего лучше можно было видѣть зарево отъ пожара Холма въ 1259 году; и на этой подробности основывается его главное доказательство. Онъ также рассказываетъ, что вторично отстроенный въ 1261 году Львовъ лежалъ въ окрестности костела св. Войцеха, превращеннаго теперь въ войсковой магазинъ, основываясь на томъ указаніи, что въ 1642 году тутъ проходили дороги, которыя назывались *viae antiquae* (древнія дороги) и кромѣ того, тутъ же находилась упомянутая уже гора Льва. На ней-то и возвышался княжескій замокъ, который потомъ былъ передѣланъ въ костелъ св. Войцеха. Проф. Шараневичъ считаетъ такое положеніе города вполне защищеннымъ, такъ какъ съ трехъ сторонъ—добавимъ мы—его обступаютъ горы съ крутыми обрывами. На хребтахъ этихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ княжескаго замка разстился старый княжескій Львовъ. Съ одной стороны онъ доходилъ до нынѣшней цесарской рощи, гдѣ была церковь св. Креста, съ другой—тянулся у подножья замковой горы чрезъ Краковское предмѣстье до монастыря св. Онуфрія. Расположенный такимъ образомъ городъ дѣлился на двѣ части, верхнюю и нижнюю. Казиміръ Великій въ 1340 году сжегъ ту часть, которая поднималась по горамъ, опустошилъ ее, а третій по порядку Львовъ заложилъ въ котловинѣ.

Приведенные проф. Шараневичем доводы не были вполне убѣдительны, возникли всевозможные вопросы, не призналъ его гипотезъ въ своей монографіи и Людовикъ Дѣдицкій ¹, однако онъ принялъ Вознесенье за первоначальное положеніе города. Это мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ².

Оставивъ въ сторонѣ слабыя, не имѣющія большой цѣнности разсужденія ³, возьмемъ послѣдній важнѣйшій трудъ, касающійся стараго Львова, а именно К. А. Петрушевича, печатающійся въ ежемѣсячникѣ «Вѣстникъ народнаго дома». Въ той части труда, которая вышла, авторъ разбираетъ съ точки зрѣнія лингвистической происхожденіе топографическихъ названій въ окрестностяхъ Львова и основываетъ на нихъ свои заключенія о различныхъ стадіяхъ осѣдлости, о первыхъ же временахъ города лишь мимоходомъ говоритъ, что «на Лысой горѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь холмъ Люблинской уніи, построилъ Даниилъ Романовичъ первое укрѣпленіе Львовъ» ⁴.

На этомъ и покончимъ обзоръ кратко изложенныхъ результатовъ изслѣдованій, изъ которыхъ ясно видно, какъ различны предположенія относительно

¹ Słownik geograficzny. Warszawa. 1880, t. V, str. 534.

² Por n. p. Zieliński L. w Lwowianinie r. 1836, str. 103 i r. 1841, str. 250—3; Łobeski F. w Dodatku tyg. przy Gazecie Lwowskiej, r. 1852, str. 118 i 134, r. 1854, str. 108; S. Z. w Przyjacielu domowym, r. 1860, str. 376.

³ Por. Peplowski St.: Gdzie leżał stary Lwów? w. Dzienniku polskim, r. 1890, str. 51.

⁴ О начаткахъ города Львова. Археологич.-историч. разсужденіе, стр. 17.

основанія и первоначальнаго положенія русскаго Львова. Сколько различныхъ мнѣній, иногда даже противорѣчащихъ одному другому, высказанныхъ часто на основаніи слишкомъ поверхностнаго знакомства съ вопросомъ! Ознакомившись подробно съ вышеуказанными трудами, мы все-таки не на много подвинулись впередъ въ этомъ отношеніи, и русская эпоха Львова все еще представляется какой-то загадкой, не поддающейся разрѣшенію, и самымъ затемнѣннымъ пунктомъ въ исторіи. Обращаясь снова къ этой эпохѣ, мы всего менѣе намѣреваемся переоцѣнивать возможности разрѣшенія всѣхъ ея загадокъ, такъ какъ для этого у насъ слишкомъ мало матеріала, мы предполагаемъ лишь сдѣлать опытъ съ цѣлью выяснить, насколько можно полагаться на эти источники и какимъ образомъ можно ихъ использовать. Поскольку намъ удалось разрѣшить эту задачу—судить не намъ.

Когда Львовъ былъ основанъ? Этотъ вопросъ всего менѣе вызываетъ сомнѣніе. Точныя указанія въ волынской хроникѣ на существованіе Львова въ 1259 году, опровергають ошибочно взятую Алембекомъ и Зиморовичемъ дату и заставляютъ отнести его основаніе ко времени, предшествующему этому году. Разрѣшивъ уже выше вопросъ о томъ, что городъ, который былъ выстроенъ въ такомъ мѣстѣ, какъ Львовъ, могъ возникнуть единственно во времена, когда внѣшнія обстоятельства заставляли людей для большей безопасности искать мѣсть уединенныхъ, удаленныхъ отъ водъ и дорогъ, безъ колебанія можно сказать, когда это могло быть. Достопамятнымъ для

Руси бѣдствіемъ былъ татарскій набѣгъ въ 1241 году, когда пожары гнали людей въ лѣса и въ горныя засѣки ¹. Къ этому только моменту и можно отнести основаніе Львова; это нѣкоторымъ образомъ и подтверждается исторически данными лѣтописи, свидѣтельствующей о возникновеніи многихъ городовъ для защиты Руси во время отъ 1249 до 1255 годовъ. Слѣдовательно, утвержденія проф. Шараневича, что именно въ этотъ періодъ возникъ и Львовъ, справедливы; это подтверждается и другими обстоятельствами. Предположеніе же, что возникновеніе города относится ко временамъ доисторическимъ, является ни на чемъ не основанной гипотезой. Однако все сказанное не исключаетъ, конечно, второго вопроса, не было ли передъ тѣмъ въ надпелтвянской котловинѣ какого-либо селенія и насколько она была обитаема. Отвѣтъ на это даютъ случайныя частныя раскопки ², произведенныя въ разное время въ предѣлахъ города Львова. Насколько извѣстно, при закладкѣ плантаціи и разборкѣ фундамента Высокаго Замка, при сооруженіи цитадели на горѣ Вроновскаго, а раньше Шембека, были найдены каменные гроба, урны, наполненныя не вполнѣ сгорѣвшими костями, множество череповъ и сосудовъ, каменные молоты и ножи, обтесанные камни, бронзовыя издѣлія, на которыя, впрочемъ, въ то время совсѣмъ не было обращено

¹ Лѣтопись, стр. 557.

² A. Schneider. Badania i poszukiwania archeologiczne w Galicyi w ostatnich latach, w Przeglądzie archeolog. Lwów 1876 zeszyt 1—3. B. Janusz. Z pradžiejów ziemi lwowskiej. Lwów. 1913 (Bibl. Lwowska, t. XXII—XXIII).

вниманія. Однако открытіе ихъ здѣсь въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуесть, что на возвышенностяхъ надпелтвянской котловины, за много лѣтъ до основанія Львова, существовали поселенія,—человѣкъ тутъ жилъ, работалъ и хоронилъ своихъ покойниковъ. Трудно, наконецъ, предположить, чтобы во времена Руси могла тутъ быть совершенно безлюдная пустыня, въ то время, какъ кругомъ не подалеку уже существовали города: Звѣнигородъ, Домажиръ, Щекотынъ, Страдчъ, Деревачъ и Рокитно, старыя «городища» которыхъ можно видѣть и до сего времени.

Обиліе лѣсовъ, болотъ и озеръ въ этой сторонѣ еще въ XVII вѣкѣ указываетъ, что первоначально надпелтвянская котловина совершенно была ими покрыта и представляла собою уединенную мѣстность, гдѣ охотнику и рыбаку была богатая добыча. Они то, безъ сомнѣнія, и были первыми ея обитателями, и только набѣгъ татаръ собралъ сюда жителей сосѣднихъ окрестностей, которые искали въ лѣсахъ и въ оврагахъ безопаснаго убѣжища. Это обстоятельство, а также изобиліе мѣстъ, защищенныхъ самой природой, ясно указываетъ, почему на эту мѣстность было обращено особое вниманіе и почему возникла мысль заложить городъ именно здѣсь. Около 1250 г. мысль эта была осуществлена—былъ созданъ Львовъ—бывшая столица Руси.

Кто былъ его основателемъ: Даніилъ или Левъ? Правда, волынская хроника упоминаетъ только о первомъ, какъ объ основателѣ города, а не о Львѣ, но если мы вспомнимъ, что Левъ со времени своей женитьбы (1250 г.) является уже нѣкоторымъ образомъ

соправителемъ своего отца, имѣеть свой опредѣленный удѣлъ—перемышльскій, собственный дворъ, вооруженныя силы, отбираетъ часть награбленной добычи и самостоятельно отправляется въ походы, то, почему бы онъ не могъ основывать въ чертѣ своего удѣла городовъ? Болѣе вѣроятнымъ поэтому будетъ предположеніе, что «не Даніилъ для сына, но самъ Левъ основалъ Львовъ отъ своего имени», на что указываетъ и самое названіе города, что подтверждается и львовскимъ мѣстнымъ преданіемъ; на это же указываетъ и Длугошъ ¹, который, какъ извѣстно, пользовался русскими лѣтописями, теперь уже пропавшими. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мнѣніе: *ex nomine historia* (въ названіи—исторія)—имѣеть свою основательность.

Стоить ли теперешній Львовъ съ перваго момента своего основанія все на томъ же мѣстѣ, или онъ былъ перенесенъ—вотъ дальнѣйшій вопросъ, который заслуживаетъ самаго обстоятельнаго разбора. Всѣ изслѣдователи до сихъ поръ сходятся на томъ, что тотъ Львовъ, который до 1785 года былъ обнесенъ каменными стѣнами, не стоитъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. Въ доказательство они ссылаются, какъ и еп. Захарьясевичъ ², на документъ, который якобы былъ найденъ при костелѣ Маріи Снѣжной,—на статью о перенесеніи Львова на теперешнее мѣсто Казиміромъ Великимъ. Основателенъ ли этотъ до-

¹ Opera omnia, t. I. 560. Clenodia seu insignia. Leopoldis civitas appellatur, quod a Leone duce primum condita est.

² Vitae episcoporum Premisl. ritus latini. Viennae. 1844, str. XXX.

водъ, рассмотримъ позднѣе, а пока отвѣтимъ на вопросъ, какъ строились города на Руси.

Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лѣтописей и многочисленные остатки «городищъ», т. е. мѣстъ давно опустѣвшихъ городовъ, а равно предпринятые въ этомъ направленіи изслѣдованія ¹ проливаютъ свѣтъ на этотъ вопросъ. Основываясь на этихъ данныхъ, мы видимъ, что при закладкѣ каждаго города, какъ на Руси, такъ и въ славянскихъ земляхъ вообще, въ первую очередь принималась во вниманіе топографія мѣстности, а во вторую — пригодность ея для устройства города. Въ мѣстностяхъ гористыхъ, холмистыхъ или перерѣзанныхъ глубокими долинами, для закладки города выбирались мѣста, доступъ къ которымъ былъ затрудненъ естественнымъ образомъ, такъ какъ благодаря этому задача укрѣпленія города значительно облегчалась, — человѣку не надо было возводить укрѣпленія со всѣхъ сторонъ. Достаточно было оградить себя съ одной или съ двухъ сторонъ; а для этого служили отдѣльные плоскіе пригорки, узкіе хребты горъ или ихъ отроги, далеко выступающіе языками или подъ угломъ, съ крутыми высокими берегами, расположенными обыкновенно надъ водами или глубокими оврагами. На такихъ-то именно мѣстахъ и найдено всего больше городищъ. Гдѣ мѣстность была ровная, города строились на островахъ посреди озеръ, среди болотъ, около сплавныхъ рѣкъ, чтобы такимъ образомъ затруднить непріятелю доступъ.

¹ Самоквасовъ. Древніе города Россіи. Спб. 1873. Dr. A. Czowski. O położeniu starego Halicza. Lwów. 1890.

Кіевъ, Холмъ, Новгородъ, Владиміръ, Черниговъ, Перемышль, Галичъ—отстроены на горахъ, Звѣнигородъ и Белзь—среди болотъ, но всѣ безъ исключенія въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ отъ природы.

Теперь посмотримъ, въ такомъ ли мѣстѣ расположенъ Львовъ, который существовалъ съ польскихъ временъ, т. е. въ предѣлахъ теперешняго района. Не болота и не горы съ крутыми обрывами, а стѣны, валы, бастіоны и рвы были его защитой. Человѣкъ со всѣхъ сторонъ долженъ былъ себя оградить, природа ни въ чемъ не помогла ему; наоборотъ, прилегающія возвышенія затрудняли работу надъ укрѣпленіемъ. Это-то и является доказательствомъ того, что тотъ Львовъ—созданіе позднѣйшаго времени по западному образцу, а не родное русское. Ибо первоначальный Львовъ не могъ отличаться отъ другихъ русскихъ городовъ и долженъ былъ бы прежде всего находиться въ мѣстѣ, защищенномъ самой природой. Справедливо также заключеніе, согласное и съ преданіемъ, что его первоначальное положеніе было не здѣсь, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Гдѣ же дѣйствительно лежалъ первый городъ Львовъ, выстроенный въ 1250 году для защиты «противу безбожнымъ татаромъ»? Въ этомъ отношеніи исходнымъ пунктомъ для всѣхъ вышеприведенныхъ изслѣдователей служить извѣстная уже волинская лѣтопись о пожарѣ Холма въ 1259 году. Итакъ, если зарево пожара въ то время было видно во Львовѣ, то городъ этотъ безъ сомнѣнія долженъ былъ находиться въ такомъ мѣстѣ, откуда открывался далеко видъ на белзскія поля. На этомъ основаніи можно

назвать безъ колебанія Вознесенье, Чортову скалу, гору Льва, Высокій Замокъ, какъ мѣсто первоначальнаго положенія города. А если бы теперь—скажемъ мы на это—кто-либо, не знающій совершенно Львова, узналъ бы, что въ этомъ городѣ видѣли издали зарево пожара, могъ ли бы онъ вывести заключеніе, что городъ долженъ былъ лежать на возвышенномъ мѣстѣ? Ясно, что сдѣлавшій такой выводъ могъ бы быть въ большомъ заблужденіи. То же самое можно сказать и о слухахъ относительно зарева Холма. Они нисколько не выясняютъ вопроса о положеніи стараго Львова и не могутъ быть признаны за доказательство. Ибо одинаково хорошо можно было бы видѣть зарево изъ города, если бы онъ былъ расположенъ на горѣ, и съ горъ, возвышающихся надъ нимъ.

Для того, чтобы болѣе точно установить мѣстоположеніе русскаго Львова, надо искать иныхъ источниковъ. Правда, они очень скудны, но, съ другой стороны, они не изслѣдованы надлежащимъ образомъ, всесторонне. Тамъ, гдѣ кончаются или являются недостаточными памятники письменные, историкъ не долженъ терять надежды, не долженъ хранить молчаніе или давать волю своей фантазіи. Путемъ аналогій, обратныхъ выводовъ и обстоятельной критики разрѣшались вопросы, казавшіеся не разрѣшимыми. Къ этому же способу надлежитъ прибѣгнуть и въ данномъ случаѣ, т. е. имѣть въ виду мѣстныя преданія, ознакомиться съ теперешней топографіей и сохранившимися памятниками. Отдавая должное упомянутымъ выше научнымъ трудамъ, мы должны однако сказать, что ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ

вышесказаннымъ требованіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что утвержденія ихъ опираются на такія хрупкія основанія, что по большей части имѣютъ лишь относительную цѣнность. Ибо, гдѣ такая маловажная подробность, какъ зарево пожара, какъ названія: *via antiqua* (древняя дорога), *mons Leonis* (гора Льва), какъ слѣдъ деревянной постройки, или позднѣйшіе вымыслы и т. д. являются достаточными для вывода и заключеній, тамъ трудно усмотрѣть историческую правду. Достаточно указать, напримѣръ, на Вагилевича, у котораго русскій Львовъ достигаетъ размѣровъ—отъ Вознесенья до Пелтвы, отъ Лычаковского кладбища до Жолкевскаго предмѣстья. Но можно ли считать памятниками русскими валы, возведенные при Владиславѣ IV? Развѣ были разобраны критически данныя Длугоша, Пиравскаго, Алембека, Зиморовича и т. д., ихъ значеніе и взаимоотношеніе? А безъ этого всякіе выводы будутъ только слѣпымъ хаотичнымъ подтвержденіемъ подробностей различной цѣнности. Который же изъ изслѣдователей имѣлъ ясное представленіе о томъ, чѣмъ были города на Руси въ XIII вѣкѣ, какимъ условіямъ они должны были удовлетворять, гдѣ находились, какъ ихъ строили и отъ чего зависѣла ихъ укрѣпленность? Всѣ эти города, какъ извѣстно, имѣютъ своеобразный типъ, отличающій ихъ отъ западныхъ; слѣдовательно, и Львовъ не могъ не принадлежать къ такому же типу. Такимъ-то путемъ, съ помощью преданія и разслѣдованія топографическихъ особенностей Львова, мы попробуемъ опредѣлить первоначальное положеніе, независимое отъ всѣхъ до сихъ поръ сдѣланныхъ выводовъ.

Говоря о преданіи, мы имѣемъ въ виду только то, какое два вѣка назадъ сохранялось среди львовскихъ горожанъ. Много говоритъ о немъ Іозефовичъ ¹, ссылается на него Пиравскій ², не было оно чуждо и Зиморовичу. На ряду съ указаніемъ Кромера оно и послужило ему главнымъ основаніемъ для вымысловъ относительно древнѣйшей эпохи его Львова. На самомъ дѣлѣ, чтобы изобразить ту эпоху такъ же пространно, какъ и послѣдующую, онъ подтасовалъ факты, разукрасилъ ихъ, пуская часто въ ходъ собственную фантазію и разбирая попутно критически подробность за подробностью; не трудно установить, гдѣ тутъ крупица правды. Прежде всего такой крупницей является статья, въ которой авторъ, рассказавъ, какъ представлялось въ его воображеніи основаніе Львова на «краковскомъ подзамчѣ», добавляетъ ³, что и въ его время «предмѣстье это переполнено русскими, и особенно армянами и евреями, святыни которыхъ можно тутъ видѣть, такъ какъ ихъ предки еще во времена правленія Льва поселились у этого подножья горы».

Въ указанныхъ выраженіяхъ Зиморовичъ намъ передалъ преданіе о томъ, гдѣ находилась старѣйшая первоначальная часть Львова. Слѣдуя за этимъ указаніемъ, рассмотримъ, отвѣчало ли мѣстоположеніе этого города условіямъ тогдашнихъ городовъ, т. е.

¹ *Annalium urbis Leopoliensis* (1614—1700) rkp. Bibl. Ossol. l. 124.

² *Relatio Status Almae Archidioecesis Leopoliensis a. 1617*, rkp. Bibl. Ossol. l. 126.

³ *Historya, tłumacz. Piwockiego*, str. 69.

было ли отъ природы защищеннымъ, была ли тамъ вода и остались ли какіе-нибудь развалины или памятники, которые, съ одной стороны, указывали бы на существованіе тутъ города, а съ другой, ближе освѣщали бы намъ вопросъ о его положеніи.

Что касается мѣстоположенія, то Зиморовичъ также зналъ, что тогдашніе города строились, какъ онъ самъ говорить ¹, «или на крутыхъ горахъ или между недоступными болотами». По его мнѣнію, такое мѣсто и выбралъ Левъ на горѣ, гдѣ теперь холмъ, и поставилъ тутъ деревянный замокъ, который въ минуты опасности былъ защитой для него и для жителей. Собственно же городъ, не укрѣпленный, разстилался у подножія на пространствѣ немного большемъ теперешняго стараго рынка и прилегающихъ къ нему улицъ.

Никто не можетъ сказать, что та гора, на которой теперь возвышается холмъ Уніи, не защищена отъ природы. Крутые, до недавняго времени совершенно обнаженные ея скаты въ достаточной степени облегчали человѣку возведеніе укрѣпленій на ея вершинѣ. Работа эта не требовала большого труда, особенно при тогдашнихъ искусственныхъ способахъ укрѣпленія городовъ. Извѣстно, что самыми важными изъ нихъ были *валы*. Ихъ величина, высота и длина зависѣли какъ отъ размѣра площади, такъ и отъ тѣхъ требованій, которыя къ нимъ предъявлялись. Съ той стороны, гдѣ доступъ былъ свободнѣе, ихъ насыпали вдвойнѣ, втройнѣ и т. д. Рядомъ съ валомъ шелъ *ровъ*, глубина

¹ Historya, str. 68.

котораго зависѣла отъ величины вала; ровъ прокладывался всегда съ внѣшней стороны. Во внутрь города вели *ворота* съ укрѣпленной деревянной замыкающей башней. Подъемныхъ мостовъ еще не знали тогда, поэтому понятно, почему при осадахъ ворота брали приступомъ. Самый валъ прикрывался деревянной настилкой изъ бревенъ, въ видѣ отвѣсной стѣны, которая препятствовала обваливающейся землѣ засыпать ровъ и не давала возможности уменьшаться валу. Внѣшняя стѣна, со стороны рва, обыкновенно была выше вала, что имѣло въ виду надежную защиту воиновъ, стоящихъ на валу. Лѣтописи часто упоминаютъ объ острокольѣ (острогѣ), то есть вбитыхъ въ землю столбахъ; такія остроколья устраивались однако только для виду, такъ какъ ихъ легко можно было сжечь и они служили защитой не надолго, въ особенности при болѣе открытой мѣстности. Обыкновенно частоколь устраивали тамъ, гдѣ трясина или вода не позволяли близко подойти къ укрѣпленіямъ, а также по краямъ крутыхъ скатовъ.

Въ силу вышеуказаннаго близкаго сходства въ отношеніи расположенія и оборонительныхъ средствъ всѣхъ городовъ не только на Руси, но и вообще въ славянскихъ земляхъ,—каждый большой городъ не представлялъ изъ себя одного цѣлаго, но раздѣлялся на нѣсколько частей, особенно же, если былъ расположенъ въ гористой мѣстности. Такъ, о Кіевѣ ¹ мы знаемъ, что онъ состоялъ: а) изъ древняго города, лежащаго на выступающемъ, съ трехъ сторонъ крутомъ

¹ Закревскій: Описаніе Кіева. Кіевъ. 1868.

возвышеніи надъ Днѣпромъ; б) изъ прилегающаго къ нему высокаго города, защищеннаго валами; в) изъ нижняго города (*подолье*) у подножія горы, обнесеннаго только частоколомъ. Такъ же былъ расположенъ и Черниговъ на возвышеніи при устьѣ Стрижени на Деснѣ, который состоялъ изъ внутренняго города (*окольный градъ*) и изъ нижняго пригорода (*передгородье*), обнесеннаго остроколемъ. Новгородъ Великій также состоялъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ внутренняя (*дѣтинецъ*) была наиболѣе защищенной. По такому же плану были построены Смоленскъ, Суздаль, Полоцкъ, Ростовъ, Холмъ, Галичъ и многіе другіе болѣе значительные города; можно сказать, что въ этомъ отношеніи вездѣ господствовала одна система, въ особенности при построеніи столичныхъ городовъ, о чемъ въ достаточной мѣрѣ свидѣлствуютъ лѣтописи и сохранившіеся слѣды.

Слѣдовательно, важнѣйшей и всего болѣе укрѣпленной частью каждаго такого города являлся его *дѣтинецъ*, въ которомъ почти всегда находился дворъ князя, главная церковь и немногочисленные дома обывателей. Часть, примыкающая непосредственно со стороны болѣе доступной, или лежащая нѣсколько ниже (*окольный градъ, передгородье*), являлась укрѣпленіемъ города, у подножья же горы разстилалось предмѣстье (*пидгородье, пригородье, подолье, посадъ*).

Величина города зависѣла отъ степени его значенія. Однако же собственно городъ (*дѣтинецъ*) и его пригородъ никогда не достигали большихъ размѣровъ, что, въ связи со стѣсненнымъ отъ природы

положеніемъ города, значительно облегчало задачу его защиты. За то подгородье, обычно не защищенное или развѣ только обнесенное частоколомъ, разбрасывалось часто на широкомъ пространствѣ со своими деревянными домами, церквами, лавками и т. д. Здѣсь то и была сосредоточена вся общественная, торговая и промышленная жизнь города. Въ случаѣ же опасности жители подгородья оставляли все на произволъ судьбы, а сами перебирались въ верхній укрѣпленный городъ и, запершись тамъ, оборонялись.

Князья поселялись во дворцахъ, почти всегда деревянныхъ и не укрѣпленныхъ, но построенныхъ внутри укрѣплений города, въ дѣтинцѣ. Замковъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ строеній, какъ деревянныхъ, такъ и каменныхъ, на Руси въ то время еще не знали. Поэтому можно ли говорить о Львовскихъ замкахъ, будто бы возведенныхъ Львомъ, въ существованіе которыхъ вѣрятъ всѣ безъ исключенія изслѣдователи? Откуда появились такія данныя—очень легко прослѣдить. Первый Длугошъ († 1480 г.) ¹, основываясь на фактѣ, что Казиміръ Великій отстроилъ тутъ два замка, рѣшаетъ, что онъ ихъ уже засталъ, спалилъ, а затѣмъ выстроилъ новые. За Длугошемъ повторили то же самое его послѣдователи: Мѣховита, Ваповскій, Стрыйковскій, Кромеръ и другіе. У Кромера заимствовалъ это Зиморовичъ, а за нимъ и всѣ другіе,—такимъ путемъ это свѣдѣніе и до сихъ поръ передается какъ достовѣрный фактъ. Траская лѣто-

¹ Historiae Polonicae libri XII ed. Przeździecki. t. III str. 197.

пись ¹ XIV вѣка, описывая занятіе Львова Казиміромъ Великимъ (1340 г.), говоритъ о *castrum Lemberg*, то есть о «городѣ», а не о замкѣ Львовѣ.

Зиморовичъ, зная преданіе о положеніи стараго города надъ Краковскимъ предмѣстьемъ и указаніе Кромера о существованіи двухъ замковъ во Львовѣ въ тотъ моментъ, когда имъ завладѣла Польша, примирилъ это такимъ образомъ, что закладку замковъ приписалъ Льву. Однако, въ этой путаницѣ всегда остается неприкосновенной одна основная мысль, что первоначальный, заложенный Львомъ городъ лежалъ на горѣ надъ Краковскимъ предмѣстьемъ, гдѣ до недавнихъ поръ возносился Высокій замокъ. Дѣйствительно, гора эта отвѣчала тѣмъ требованіямъ, которымъ должны были отвѣчать тогдашніе укрѣпленные города; и такой именно городъ и желалъ построить князь Левъ въ надпелтвянской котловинѣ. Поднимающаяся на 390 миль надъ уровнемъ моря и стоящая обособленно вершина этой горы, понижаясь террасами къ западу, представляла прямо идеальное мѣсто для тогдашняго города. Защитой его было прежде всего его положеніе. Человѣку оставалось только укрѣпить острокольемъ края горныхъ скатовъ и мѣстами насыпать валы изъ земли, и тѣмъ самымъ создать еще болѣе сильное укрѣпленіе. Далѣе, тутъ же было и неизбѣжное условіе—вода для питья, источники которой когда-то въ изобиліи встрѣчались на скатахъ; часть ихъ и до настоящаго времени можно видѣть у подножья горы.

¹ Mon. Pol. Hist. II. 860.

Всѣ эти выгодныя условія и побудили, безъ сомнѣнія, князя Льва выбрать эту гору мѣстомъ для новаго города, которому, какъ основатель, онъ и далъ названіе по своему имени.

Ну что же, подумаетъ кто-нибудь,—условія и могли быть подходящія, но это еще не служитъ доказательствомъ, что именно на вершинѣ этой горы и на ея склонѣ лежалъ старый Львовъ! Въ самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ существеннаго доказательства, нѣтъ слѣдовъ тогдашнихъ укрѣпленій, ибо шесть вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ той эпохи; но вѣдь на ряду съ вышеуказанными условіями есть еще другія указанія, логичное толкованіе которыхъ ясно говоритъ, что иначе и быть не могло. Взглянемъ только на подножье упомянутой террасы, на ту часть Краковского предмѣстья, переполненнаго теперь евреями и въ меньшей степени христіанами. Откуда же въ этой сторонѣ, среди грязныхъ закоулковъ, взялись старинныя львовскіе костелы: Св. Іоанна Крестителя и Маріи Снѣжной? Откуда эти русскія церкви, время основанія которыхъ теперь указать невозможно, ибо, чѣмъ дальше вглубь вѣковъ уходятъ наши изысканія, тѣмъ труднѣе установить истину? До настоящаго времени здѣсь еще существуютъ три церкви: Св. Николая, Онуфрія и Параскевы, а было ихъ воздвигнуто ¹ много больше: такъ напримѣръ, Θεодора, Михаила, Іоанна Евангелиста, Благовѣщенья, Введенія Богородицы, Покрова, Воскресенія и т.д. Эта многочисленность церквей,

¹ К. А. Петрушевичъ. Галицкій историч. сборникъ. Львовъ. 1854, т. I, стр. 1—43.

тѣснящихся на пространствахъ подъ горой, развѣ не свидѣтельствуеть о томъ, что онѣ могли остаться съ тѣхъ временъ, когда въ этой сторонѣ концентрировалась вся жизнь, господствовалъ русскій обрядъ,— а это могло быть только въ эпоху князей галицкихъ. Нельзя также обойти молчаніемъ и двухъ армянскихъ, теперь уже снесенныхъ костеловъ св. Якова и Анны, основаніе которыхъ преданіе относитъ къ эпохѣ, предшествующей возникновенію Львова ¹. Все это и является памятникомъ, оставшимся отъ временъ Руси, указывающимъ на время возникновенія и на мѣстоположеніе города. Эти то памятники больше всего проливаютъ свѣта въ вопросѣ о старомъ Львовѣ, служатъ доказательствомъ справедливости преданія и тѣмъ самымъ облегчаютъ болѣе вѣрное разрѣшеніе задачи. Ибо, гдѣ возносилось столько святынь, тамъ долженъ былъ быть и городъ, на что уже Зиморовичъ обратилъ вниманіе. Отсюда однако же не слѣдуетъ, что этотъ городъ былъ расположенъ исключительно подъ горой. Въ послѣднемъ случаѣ, спросимъ мы,—развѣ можно было бы говорить объ его укрѣпленности? Разумъ подсказываетъ, что нѣтъ, такъ какъ завладѣвшій горой завладѣлъ бы и городомъ, который онъ могъ бы сверху осыпать камнями; съ другой стороны, по аналогіи можно сказать, что ни одинъ городъ не былъ такъ расположенъ; укрѣпленная часть всегда находилась на горѣ, а вся жизнь

¹ Ks. T. Krusiński: Prodrum ad tragicam vertentis belli Persica historiam. Leopoli 1733. Zacharjasiewicz: Wiadomość o Ormianach w Polsce w Bibl. nauk. zakł. im Ossol. r. 1842, t. II str. 60.

торговая, промышленная и церковная сосредоточивалась у подножья на открытомъ мѣстѣ, называемомъ подградьемъ. Положеніе этой части Краковского предмѣстья, которая упирается въ гору, позволяетъ сказать безъ колебанія, что тутъ именно и было такое подгородье стараго Львова. Зная мѣсто подгородья, теперь не трудно опредѣлить, гдѣ лежала главная укрѣпленная часть города, такъ какъ обѣ онѣ непосредственно должны были прилегать одна къ другой, а этому условію удовлетворяетъ только Замковая гора со своей нижней террасой.

Дѣлая затѣмъ строго-логическій выводъ, можно сказать, что старый Львовскій городъ, въ отношеніи мѣстоположенія и распредѣленія, ничѣмъ не отличался отъ другихъ столичныхъ городовъ: Кіева, Владиміра, Холма, Чернигова, Галича и т. д.

Такъ же, какъ и другіе города, онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ частей. На скалистой вершинѣ бѣлѣющей отъ песковъ горы, какъ гнѣздо аиста, возвышался собственно городъ (*дѣтинецъ*), обнесенный лѣсомъ острокольева. Ниже на террасахъ, гдѣ теперь находится домикъ садовника, прилѣплялся до половины ската пригородъ (*пригородье*). Круто въ гору поднимается тропинка и соединяетъ его съ городомъ, расположеннымъ на вершинѣ. Валы, насыпанные по краямъ скатовъ, и остроколье увеличивали естественныя укрѣпленія; для входа въ городъ, какъ и вездѣ, были устроены ворота. Предположеніе, что ворота были именно тутъ—весьма правдоподобно, такъ какъ входъ на террасу и въ настоящее время самый удобный въ томъ мѣстѣ, гдѣ прилегаютъ одна къ другой улицы

«Замковая» и «Смерековая», а выше улица, называемая издавна «подъ брамою». Далѣе, у подножья на уклонѣ къ Пелтвѣ, среди лѣсовъ и болотъ располагалось предмѣстье (*подгородье*), усѣянное домами купцовъ, промышленниковъ, церквами и монастырями. О величинѣ его въ настоящее время можно судить только по топографическимъ условіямъ и можно сказать, что оно безусловно доходило до Пелтвы, главная же его часть лежала тамъ, гдѣ теперь «старый рынокъ», улица Льва, Сенявская, то есть, на террасѣ, болѣе отдаленной, достигающей теперешней улицы Шкарповой и костела Маріи Снѣжной. Было ли подгородье защищено острокольемъ,—утверждать не можемъ, однако повторяемъ еще разъ, что оно и было собственно очагомъ тогдашней жизни, а укрѣпленная часть была на горѣ.

Всѣ данныя о русскомъ Львовѣ говорятъ, что онъ съ самаго перваго момента былъ столицей своего основателя князя Льва, который тутъ имѣлъ свой дворецъ. Въ лѣтописи объ этомъ не упоминается, однако изъ нея ясно усматривается, что въ 1261 году, на ряду съ главными городами, разрушенія которыхъ домогались татары, въ удѣлѣ Льва былъ Львовъ, упоминаемый, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ.

Гдѣ въ томъ старомъ Львовѣ находился княжескій дворецъ, указать навѣрное теперь невозможно. Однако мы бы сказали, что княжескіе дворцы всегда строились въ предѣлахъ укрѣпленнаго города. Какъ бы въ подтвержденіе этого мѣстное львовское преданіе говоритъ, что дворецъ Льва стоялъ выше церкви

св. Николая ¹. Онъ былъ навѣрное гдѣ-нибудь въ дѣтинцѣ львовскаго города или на его склонѣ, занятомъ пригородьемъ, на мѣстѣ тихомъ, защищенномъ отъ вѣтровъ.

Можетъ быть,—возразятъ намъ,—такъ и было, но этотъ Львовъ могъ быть уже вторымъ по счету, перенесеннымъ съ другого мѣста, ибо первый былъ разрушенъ Львомъ въ 1261 году по приказу Бурундая. Такъ до сихъ поръ и разсуждаетъ каждый изъ изслѣдователей и ищетъ мѣсто первоначальнаго положенія города въ разныхъ пунктахъ, даже въ разстояніи цѣлой мили отъ Львова. Въ этомъ отношеніи трудно не выразить своего удивленія, какъ ошибочна передача факта о заревѣ пожара Холма и какъ не основательны сдѣланные на немъ выводы. Развѣ же выраженіе въ лѣтописи—*Левъ розмета городъ Львовъ*—должно значить, что городъ этотъ былъ разрушенъ до основанія и жители его разбѣжались? Только неправильное толкованіе тогдашнихъ лѣтописей могло привести къ подобнымъ заключеніямъ. Рѣчь тутъ шла не о поселеніи, какъ таковомъ, но объ укрѣпленіяхъ, уничтоженія которыхъ и добивались татары. Это ясно вытекаетъ изъ всего хода лѣтописи. Уже самое слово *городъ*, на ряду съ тѣмъ понятіемъ, которое придается этому слову теперь, въ волынской лѣтописи часто имѣетъ значеніе: укрѣпленія, твердыни ², защищеннаго центра,—въ такомъ смыслѣ это слово надо по-

¹ Шараневичъ. Стародавній Львовъ, стр. 19.

² Самоквасовъ. Древніе города Россіи. Спб. 1873. Стр. 33 и слѣд.

нимать и здѣсь. Левъ по необходимости исполнилъ требованіе, вскорѣ однако, когда его сталъ беспокоить союзъ съ Ордой, онъ снова отстроилъ укрѣпленіе города, а не самое поселеніе, такъ какъ оно продолжало существовать съ самаго своего начала и не было разрушено.

Откинувъ ложныя послышки, мы тѣмъ самымъ откинемъ и ложные выводы, основанные на нихъ,—о двукратномъ построеніи Львова, да еще въ двухъ мѣстахъ, въ русскія времена. Критическій разборъ источника даетъ возможность говорить объ одномъ только поселеніи, на которое все указываетъ,—гдѣ оно существовало и какъ было расположено. Чтобы убѣдиться, мы попробуемъ изслѣдовать, путемъ обратнымъ вышеприведеннымъ, условія указанныхъ мѣстъ на Вознесенѣ, горѣ Льва, Чортовой скалѣ и т. д.,—и что же иное мы встрѣтимъ въ подкрѣпленіе тѣхъ предположеній кромѣ... фантазіи!

Въ рядѣ одинаково безосновательныхъ подробностей о старомъ Львовѣ укажемъ на данныя Вагилевича о построеніи Львова Львомъ Мстиславовичемъ, внукомъ Даніила, въ началѣ XIV вѣка. На это указываетъ *Лѣтописецъ литовскій* (библ. Рачинскихъ въ Познани) ¹ —компиляція XVI вѣка. Эта подробность, а затѣмъ извѣстныя доказательства о существованіи Львова съ половины XIII вѣка даютъ возможность допустить, что въ данномъ случаѣ компиляторъ этой хроники перепуталъ одноименныхъ князей и допустилъ ошибку, приписавъ заслуги Льва I его племяннику

¹ Kopia w Bibl. Ossol. rkp. I. 2070.

Льву II. Однако это указаніе, почерпнутое изъ какого то стараго источника, имѣеть только то значеніе, что подтверждаетъ предположеніе о происхожденіи названія города отъ имени его основателя.

Съ большой осторожностью слѣдуетъ также принять фактъ, относящійся, какъ уже сказано, ко Львову въ 1281 году, который для позднѣйшихъ писателей былъ неоднократно источникомъ ложныхъ выводовъ. Вотъ напримѣръ, Длугошъ ¹ подъ этимъ годомъ сообщаетъ, что Лешекъ Черный «мстя за нападеніе Льва, вторгся въ Русь, даже до самаго Львова, опустошилъ его, ограбивъ и спаливъ много селъ и мѣстечекъ». За Длугошемъ повторилъ это Кромеръ, а за нимъ послѣдующіе историки. Источники той эпохи совершенно не упоминаютъ о подобномъ вторженіи. Волынская лѣтопись говоритъ только о занятіи Переворска, откуда Лешекъ возвратился домой. Въ этомъ отношеніи болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что та подробность основывается на неправильномъ пониманіи ² русскаго текста какой-то исчезнувшей лѣтописи, гдѣ Длугошъ могъ встрѣтить упоминаніе Переворска какъ о *городѣ Львовѣ*, то есть городѣ, принадлежащемъ Льву, и отнесъ это ко Львову.

Неосновательными далѣе кажутся и сообщенія Зиморовича о перенесеніи Львомъ праха отца изъ Галича и торжественномъ погребеніи во Львовѣ. Изъ какого источника это взято,—рѣшить трудно; однако

¹ Hist. Pol. t. II. 456.

² Por. A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. Kraków 1887 str. 298.

извѣстно, что Данииль похороненъ не въ Галичѣ, но въ Холмѣ въ церкви Богородицы.

Рядомъ съ затронутымъ вопросомъ видное мѣсто въ эпохѣ русскаго Львова занимаютъ указанія о поселеніи въ немъ доминиканцевъ, о zaloженіи ими костела св. Іоанна Крестителя, о дарованіи имъ Львомъ мѣста сгорѣвшаго княжескаго дворца и построеніи на немъ монастыря и костела Божьяго Тѣла. Въ виду того, что эти подробности, съ одной стороны, были сообщены, какъ нѣчто достовѣрное, а съ другой, просто опровергнуты ¹, вопросъ требуетъ полного и самаго обстоятельнаго разбора, тѣмъ болѣе подробнаго, что первыя документальныя упоминанія о доминиканцахъ во Львовѣ мы имѣемъ только съ 1374 года. Откуда же всѣ тѣ древнѣйшія упоминанія о нихъ почерпнули Пиравскій, Окульскій, Зиморовичъ, Іозефовичъ, Ходыкевичъ и другіе? Прослѣдивъ въ этомъ направленіи, не трудно будетъ указать, какимъ образомъ и когда возникъ источникъ, послужившій упомянутымъ писателямъ основой.

Въ началѣ XVII вѣка монастырь доминиканцевъ началъ тянувшійся потомъ много лѣтъ споръ съ армянами относительно правъ на владѣніе извѣстной площадью, прилегающей къ монастырю. Обѣ стороны старались доказать свои права собственности. Съ этой то цѣлью монахи, перерывъ собственный архивъ, сочинили для своихъ защитниковъ инструкціи, въ которыхъ мы впервые наталкиваемся на то, что встрѣ-

¹ Д-ръ Шараневичъ. О результатахъ археолог. изысканій въ окрестн. Галича 1884 и 1885.

чается и въ дальнѣйшихъ трудахъ относительно основанія львовскаго монастыря. Для сравненія мы приведемъ слова этихъ инструкцій ¹:

«*Fratres Religiosi peregrinantes* (набожные братья пилигримы),—читаемъ мы,—были посланы въ русскую землю Григоріемъ IX для проповѣди лѣтъ за пятьдесятъ безъ малаго до основанія Львова сыномъ Даниїла Львомъ въ 1280 году. Эти отцы вступили во Львовъ въ 1234 году и имѣли *collocationem primam quasi in pago ante conditam urbem* (будто бы до основанія Львова первымъ мѣстопробываніемъ деревню) подъ горой Высокаго замка при костелѣ св. Іоанна, гдѣ теперь проживаютъ армяне. Поелику *privilegium foundationis* (фундаціонной привиллегіи) монастырь не имѣлъ, такъ какъ онъ сгорѣлъ а. d. 1408, надо было прибѣгнуть *ad famam et ad sensum* (къ преданію и очевидности), которыя *finis* (рѣшаютъ вопросъ). *Est publica fama et maiorum traditio* (Какъ въ общемъ говорятъ молва и преданія предковъ) послѣ *monasterium fundatum est intra civitatem in loco coenobii monachorum sub regula Sti Basilii viventium* (монастырь основанъ былъ внутри города на мѣстѣ монастыря ордена св. Василия). Когда же князь Левъ, основавшій городъ, перенесъ *curiam* (дворецъ) въ другое мѣсто (такъ какъ передъ тѣмъ *Lescus Niger dux Poloniae* (Лешекъ Черный, польскій князь) сжегъ вмѣстѣ съ городомъ и монастыремъ его первый дворецъ), онъ въ виду просьбы

¹ Рукопись въ библ. Оссол. 1.2320, *De sororibus Ord. Dominic Leop in fundo ab Armenis occupato; Dominikanów ruskich munimenta* (рукопись въ архивѣ гор. Львова).

своей матери (sic) святой Констанціи, королевы Галицкой *et Belae regis Ungarorum filiae et sororis B. Cunegundis* (дочери венгерскаго короля Бѣла и сестры святой Кунигунды) даровалъ *locum curiae principis et coenobii* (мѣсто княжескаго дворца и монастыря Васильянь) для постройки монастыря *Religiosorum* (Доминиканцамъ), получивъ въ обмѣнъ отъ послѣднихъ каменный костелъ св. Іоанна. Самая *loci eminentia* (возвышенность мѣста) указываетъ, что тамъ былъ *curia* (дворецъ). Монахи, которые тутъ поселились, по своей бѣдности, построили только деревянный костелъ и монастырь, около которыхъ, *ut patet ex multis documentis* (какъ видно изъ многихъ документовъ), было кладбище, вполне удовлетворяющее потребностямъ прихода; полтора ста лѣтъ спустя изъ монастыря и костела образовался *parochialis ecclesia* (приходскій костелъ). Констанція, преданная религіи, сама отъ себя основала *moniales B. Domini de poenitentia* (женскій монастырь ордена св. Доминика) и каплицу по лѣвой сторонѣ костела, гдѣ, окончивъ свою праведную жизнь, и была похоронена. Затѣмъ при Казиміръ Великомъ произошелъ пожаръ, которымъ не только костелъ и монастырь, но и весь городъ былъ уничтоженъ *penitus* (до тла). Этотъ король, овладѣвъ Львовомъ, *ad florem et meliorem munitionem* (съ цѣлью развитія города и болѣе сильнаго его укрѣпленія), *singere iussit* (велѣлъ окружить стѣнами), которыя заняли весь монастырскій садъ *ad orientem* (съ востока). *Successu temporis* (съ теченіемъ времени) монахи рѣшили построить костелъ и монастырь уже не деревянные, а каменные и т. д.».

Вышеуказаннымъ путемъ монашескій орденъ старался доказать свои права на отобранную у нихъ землю, на которой и должны были жить Терціарки. Когда всѣ эти доводы не оказались убѣдительными и въ подкрѣпленіе ихъ не нашлось никакихъ документальныхъ данныхъ, въ XVII вѣкѣ появилось свидѣтельство, будто бы выданное Львомъ въ 1270 году послѣ основанія Львова, гдѣ эту версію облекли въ форму распоряженія. Несмотря на то, что свидѣтельство это является явнымъ, ни подъ какимъ видомъ не допустимымъ подлогомъ, все же и до настоящаго времени оно часто приводилось, какъ достовѣрный документъ, и на немъ основывались всѣ сбивчивыя данныя о прошлыхъ дняхъ львовскаго монастыря. Правда, оно почти дословно повторяетъ то, на что и прежде ссылался орденъ монаховъ, основываясь на преданіи, но весь вопросъ въ томъ, заслуживаетъ ли вѣры это преданіе, сохранилось ли оно до XVII вѣка въ неприкосновенности или было умышленно искажено.

Извѣстно, что въ первой половинѣ XIII вѣка, съ появленіемъ орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ, католическая пропаганда въ языческихъ и иновѣрныхъ странахъ снова возродилась во всей силѣ ¹. Направленная буллой папы Григорія IX отъ 1232 года она появилась и на Руси, и уже въ 1234 году два доминиканскихъ монаха получили распоряженіе выяснить вопросъ, есть ли какая-нибудь надежда на

¹ Por. K. Reifenkugel: Die Gründung d. röm.-kath. Bisthümer in den Territorien Halicz u. Wladimir. Wien 1874 стр., 13 и слѣд.

сооруженіе здѣсь костела ¹. Эта булла сохранилась въ монастырѣ во Львовѣ ². Позднѣйшее преданіе монаховъ, ставя въ связь основаніе почти всѣхъ стариннѣйшихъ монастырей на Руси съ миссіонерскими трудами Іакинѳа Одровонжа, указываетъ, что и во Львовѣ І. Одровонжъ былъ основателемъ костела св. Іоанна Крестителя, еще до 1223 года. Это преданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древность упомянутаго костела, во всей полнотѣ признали К. Видманъ и Ст. Кунаевичъ, не задаваясь вопросомъ, насколько это достовѣрно. Не говоря уже о томъ, что о миссіонерскихъ трудахъ Іакинѳа Одровонжа на Руси, а особенно въ Кіевѣ въ 1222—6 гг. до насъ дошли только очень неясныя и легендарныя свѣдѣнія ³, самое основаніе миссіи въ мѣстѣ, гдѣ только четверть вѣка спустя возникъ городъ, было бы весьма нецѣлесообразно, поэтому мы безъ колебанія можемъ отнести этотъ фактъ къ вымысламъ XVII вѣка, которымъ не придаетъ значенія уже Окульскій ⁴. То же самое можно сказать и относительно другого утвержденія, что во Львовѣ въ 1234 г. якобы снова прибыли доминиканцы, которыми и былъ заложенъ костелъ св. Іоанна Крестителя. Въ то время Львовъ тоже еще не существовалъ; съ другой стороны, не трудно доказать, что всѣ эти свѣдѣнія XVII вѣка точно такъ же явились слѣдствіемъ неправильнаго

¹ X. S. Barącz: Rys dziejów zak. kaznodziejskiego w Polsce. Lwów 1861, t. I str. 78 i nast.

² Okólski: Russia florida. Leopoli. 1646 str., 11.

³ De vita et miraculis Sti Iackonis (Hyacinthi) w Mon. Pol. Hist. t. IV. p. 818—903; Bzowski: Propago [Sti Hyacinthi. Venetiis 1606.

⁴ Russia Florida. Leopoli 1646. str. 70.

толкованія того второстепеннаго обстоятельства, что монастырь хранилъ въ своемъ архивѣ упомянутую выше буллу 1234 года. Принимать это за источники—значить пренебрегать элементарными требованіями исторической критики.

Нѣсколько иначе однако надо разсматривать ту часть преданія, которая водвореніе доминиканцевъ относитъ ко времени Констанціи, жены Льва. Тутъ уже на ряду съ вымыслами и позднѣйшими толкованіями не трудно отличить достовѣрную часть преданія, имѣющую, безъ сомнѣнія, историческое основаніе.

Посмотримъ далѣе, усилилась ли католическая пропаганда на Руси послѣ монгольскаго набѣга, съ того момента, когда Даніилъ завязалъ сношенія съ Римомъ. На 1245—55 года приходится самый дѣятельный періодъ пропаганды. Позднѣе, до временъ завоеванія Руси Польшей, не упоминаетъ о ней ни одинъ источникъ, какъ если бы она совершенно прекратилась во время правленія князей, относящихся къ ней враждебно. Изъ нихъ одинъ только Левъ, извѣстный противникъ Запада, союзникъ татаръ, ревностный исповѣдникъ восточной вѣры яко бы создалъ,—какъ говоритъ вышеупомянутое преданіе,—въ собственной столицѣ очагъ враждебной себѣ пропаганды и поддерживалъ ее! Невольно напрашивается мысль объ ошибочности приведенныхъ данныхъ о дарованіи земли для монастыря,—и вполнѣ основательно. Однако, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что его женой была Констанція, ревностная католичка, дочь Бѣла IV, сестра св. Кунигунды, извѣстной покровительницы

монашескихъ орденовъ. Констанція вышла замужъ за Льва въ 1250 году, постоянно жила во Львовѣ, до конца своей жизни оставалась католичкой, а по смерти даже прославилась чудесами ¹. Будучи католичкой, она, безъ сомнѣнія, должна была имѣть при своемъ дворѣ какой-нибудь костелъ и духовниковъ-католиковъ. Вотъ на чемъ и основано преданіе, удостоверяющее, что это были доминиканцы, а ихъ мѣстопробываніемъ являлся костелъ св. Іоанна Крестителя. Это обстоятельство, благодаря которому были построены первые католическіе костелы въ земляхъ православныхъ, также имѣетъ значеніе и говоритъ въ пользу преданія. Справедливо слѣдуетъ признать этотъ костелъ самымъ стариннымъ во Львовѣ, но опять-таки нельзя считать, что онъ существовалъ еще до возникновенія города. Въ архитектурѣ его есть нѣкоторые признаки романскаго стиля, искаженнаго впрочемъ позднѣйшими реставраціями.

Какимъ путемъ и для чего доминиканцы перешли отсюда на нынѣшнее мѣсто, а ихъ костелъ заняли васильяне, свѣдѣнія объ этомъ относятся уже къ позднѣйшему польскому періоду. Въ русскія времена ничего подобнаго не могло произойти, хотя бы потому, что на мѣстѣ теперешняго костела Божьяго Тѣла дѣйствительно стоялъ монастырь, о чемъ говорятъ свѣдѣтельства 1392 и 1408 годовъ ² вполне сходно съ преданіемъ. Затѣмъ упоминаніе о дарованіи Львомъ земли является вымысломъ только конца XVI вѣка,

¹ Mon. Pol. Hist. t. IV. p. 716. Vita Stae Kingae.

² Acta grodzkie i ziemskie, t. II, str. 34, 60: area monastery.

созданнымъ на основаніи указаній Кромера о сожженіи Львова Лешкомъ, чтобы доказать, что доминиканцевъ надѣлили землями еще русскіе князья. Одинаково цѣнными являются также подробности объ основаніи Констанціей монастыря Терціарковъ при этомъ же костелѣ. На самомъ дѣлѣ, монастырь этотъ здѣсь и былъ, но только спустя 100 лѣтъ его основала армянка Магдалина (въ 1393 году). Такимъ образомъ, въ упомянутомъ преданіи основательнымъ является только предположеніе, что во время княженія Льва доминиканцы селились во Львовѣ и основали въ старомъ подградѣ, подъ горой, небольшой костелъ, или даже вѣрнѣе, каплицу св. Іоанна Крестителя, которая впослѣдствіи, при Казимірѣ Великомъ, перешла во владѣніе армянъ-уніатовъ, послѣдователей св. Василія,—отсюда то и возникаетъ рядъ неясныхъ данныхъ о томъ, что этой каплицей когда-то завладѣли васильяне ¹.

Поскольку нельзя сказать ничего достовѣрнаго о судьбѣ и дѣятельности доминиканцевъ на Руси послѣ 1257 года, постольку является вѣроятнымъ, что въ русскія времена тамъ существовалъ еще другой латинскій костелъ, а именно приходскій—Маріи Снѣжной. О томъ, что изъ не монастырскихъ львовскихъ костеловъ онъ является старѣйшимъ, свидѣтельствуешь Пиравскій ². Алембекъ и Зиморовичъ говорятъ,

¹ Piravski: Status archid. Leop. str. 113: Ecclesia S. Ioannis vetustissima est, quam circa annum 1250 nescio qui aeremitaе S. Basilii rexerunt.

² Status archid. Leop. str. 112: Ecclesia S. Mariae omnes ecclesias saeculares Leopolienses antiquitate sua anteit.

что его построили нѣмецкіе солдаты, которые пришли съ Казиміромъ Великимъ въ 1340 г. Здѣсь, однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это была уже позднѣйшая волна нѣмецкой колонизаціи. Нѣмцы были издавна во Львовѣ, такъ какъ начали туда направляться съ перваго момента его возникновенія, когда, стремясь во множествѣ въ русскія земли, они поселялись въ Холмѣ, Владимірѣ и многихъ другихъ городахъ. Свидѣтельство 1352 года ¹ ясно указываетъ, что уже при Львѣ они имѣли своего войта Бертольда, а затѣмъ Матвѣя,—это является доказательствомъ того, что нѣмцы были тамъ въ большомъ количествѣ, образовали свой особый приходъ и управлялись по собственному своему закону. Даже болѣе того, они сразу заняли среди другихъ горожанъ исключительное положеніе. Ремесла и торговля преимущественно сосредоточивались въ ихъ рукахъ, отъ князей они получали награды за «вѣрныя услуги»; а какъ сильно было ихъ вліяніе,—свидѣтельствуется самое названіе Львова, переименованное уже въ русскія времена на нѣмецкій ладъ: *Lemburga, Lemburg*, т.-е. *Löwenburg*. Въ виду этого не будетъ слишкомъ смѣло утверждать, что уже тогда они имѣли свой приходскій костелъ Маріи Снѣжной, также возведенный на старомъ подградѣ, который, по словамъ свидѣтельства 1368 г., «давнымъ давно» имѣлъ свою мельницу на Пелтвѣ ².

Зиморовичъ ничего не говоритъ о нѣмцахъ въ ту эпоху, зато онъ даетъ подробныя свѣдѣнія о дру-

¹ Akta grodzkie i ziemskie, t. II, str. 1—2.

² Akta grodzkie i ziemskie, t. III, str. 41.

гихъ пришельцахъ: армянахъ, сарацинахъ и татарахъ, которые въ XIII вѣкѣ поселились во Львовѣ. Данныя объ армянахъ ¹ можно признать достовѣрными. Ихъ переселеніе изъ Арменіи началось въ XII вѣкѣ, вслѣдствіе притѣсненія турками-селджуками. Въ слѣдующемъ столѣтіи переселеніе это приняло большіе размѣры. Изъ Арменіи ушла наиболѣе видная часть населенія — дворяне, которые, найдя убѣжище у сосѣдей, предложили имъ свои услуги въ качествѣ рыцарской дружины. Армяне служили русскимъ князьямъ, участвовали въ походахъ противъ половцевъ и татаръ, а послѣ татарскаго нашествія (1241 г.), они на ряду съ нѣмцами составляли осѣдлый элементъ на Руси. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они хотѣли оставаться независимыми, поселились въ ново основанной столицѣ Льва, гдѣ ихъ и нашелъ Казиміръ Великій, когда они уже составляли отдѣльный приходъ и управлялись по своимъ законамъ. Они основали для себя костелъ св. Якова и монастырь св. Анны ², которые мѣстное преданіе справедливо считало стариннѣйшими памятниками города и даже утверждало ³, что монастырь «былъ сначала кафедральнымъ, епископскимъ и имѣлъ много монаховъ». Въ развитіи Львова армяне играли очень важную роль. Какъ нѣм-

¹ X. S. Barącz: Rys dziejów ormiańskich. Tarnopol. 1869, str. 60 i nast.

² Schneider: Encyklopedya do krajoznawstwa Galicyi. Lwów. 1871, t. I, str. 98—102.

³ A. Pawiński: Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem rzymskim. Warsz. 1876, str. 18 (Źródła dziejowe, t. II).

цамъ принадлежитъ заслуга привитія началъ западной цивилизаціи въ Галицкой Руси, такъ армяне, со своей стороны, открыли ей путь къ далекому Востоку, съ которымъ они поддерживали постоянныя сношенія.

О евреяхъ нельзя сказать ничего положительнаго, развѣ только то, что въ тѣ времена они уже были въ Кіевѣ, во Владимірѣ и вообще на Руси; слѣдовательно, можно допустить, что не было въ нихъ недостатка и во Львовѣ. Что касается татаръ, то ихъ пребываніе въ тогдашнемъ Львовѣ, въ качествѣ русскихъ союзниковъ, было вполне естественнымъ и не вызываетъ никакого сомнѣнія. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя сохранившіяся названія, преданіе, и до XVII вѣка указывали ихъ кладбище подъ Высокимъ замкомъ ¹ и мѣстонахожденіе мечети. Кто были сарадины—арабскіе ли купцы или караймы изъ Крыма,—до сихъ поръ не выяснено. О полякахъ во Львовѣ въ тотъ періодъ не вспоминаетъ ни одинъ источникъ; но трудно думать, чтобы на ряду съ упомянутыми народностями здѣсь не было бы ближайшихъ сосѣдей Руси, хотя, быть можетъ, и въ меньшемъ количествѣ.

Скопленіе столькихъ народностей, различныхъ по языку, обычаямъ и занятіямъ, съ самаго начала должно было лишитъ Львовъ признаковъ определенной національности, такъ что уже тогда, если онъ былъ русскимъ городомъ, то потому, что находился на русской землѣ, по постройкамъ не отли-

¹ Zimorowicz: Historya, tłumacz. Piwocki, str. 72,

чался отъ другихъ русскихъ городовъ, тамъ находился дворъ князя и его приближенные, и тамъ же сосредоточивалась церковная жизнь.

Дѣйствительно, развитіе церковной жизни было въ полномъ расцвѣтѣ, если судить по тому множеству церквей и монастырей, которые здѣсь нашелъ Казиміръ Великій. Разбросанные по подградью или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, среди лѣсовъ, покрывающихъ еще значительную часть львовской котловины, они являлись главнымъ внѣшнимъ признакомъ русскихъ владѣній. Среди нихъ церковь св. Николая, построенная ближе всѣхъ къ княжескому двору, считалась главной, что подтверждаетъ и позднѣйшее преданіе, ссылающееся на обширное свидѣтельство ¹ Льва I 1291 г., даровавшего этой церкви земли и другія преимущества. Уже давно доказано ², что это свидѣтельство, якобы подкрѣпленное Казиміромъ Ягеллончикомъ (1448 г.), Стефаномъ Баторіемъ (1578 г.), Сигизмундомъ III (1611 г.) и т. д., принадлежитъ къ числу подлоговъ, столь очевидныхъ, что его никакъ нельзя приводить, какъ источникъ для сужденія объ эпохѣ русскаго Львова, даже въ отношеніи того, чего добивается профессоръ Шараневичъ ³, указывая на топографическія названія XV вѣка и основываясь на какомъ-то ста-

¹ D. Zubrzieki: Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi. Lwów. 1837, str. 10—16 w dodatkach.

² К. А. Петрушевичъ, Галицкій историческій сборникъ. Львовъ. 1854 г. т. II, стр. 166—8.

³ Географическо-историческія статьи. Львовъ. 1875 г., стр. 28—36.

ромъ истинномъ свидѣтельствѣ, которое трудно до-
стать.

Въ смыслѣ древности церкви св. Николая не усту-
паютъ монастыри св. Онуфрія и св. Юрія. Въ первомъ
изъ нихъ, заложенномъ Констанціей ¹, тутъ же,
ниже террасы города, какъ говоритъ преданіе,
хранился образъ Божіей Матери, который въ на-
стоящее время находится въ Ченстоховѣ, а второй,
по мнѣнію Зиморовича и лѣтописи ², обязанъ сво-
имъ возникновеніемъ князю по имени Василискъ
(Воишелкъ), «который,—какъ говорится,—выбралъ
себѣ для поселенія пещеру на правой сторонѣ подъ
той горой, на которой теперь находится монастырь
св. Юрія. Начавъ благочестивую жизнь, онъ побу-
дилъ князя Льва, основателя города, построить для
него на самой вершинѣ горы монастырь и посвятилъ
его св. Юрію. Воишелкъ сталъ игуменомъ монастыря,
собралъ отшельниковъ и управлялъ имъ до 1290 г.
въ мирѣ и спокойствіи». Что же касается того, кто
былъ Воишелкъ, профессоръ Шараневичъ ³ пра-
вильно указалъ, что онъ является лицомъ, тожде-
ственнымъ съ Лавришомъ Рымонтомъ, сыномъ Трой-
дена, который дѣйствительно находился при дворѣ
Льва, изучилъ русскій языкъ и писаніе и по-
чувствовалъ призваніе къ монашеской жизни. Не

¹ Схематизмъ чина св. Василия. Львовъ. 1867, стр. 5.

² Ludwik Zieliński: Pamiętniki historycz. krajowe. Lwów. 1841,
str. 75 i nast.

³ О результатахъ археолог. изысканій въ окрестностяхъ Га-
лича 1884, 1885. Львовъ. 1886, стр. 53 и слѣд.

подлежить сомнѣнію, что въ этомъ указаніи есть извѣстное историческое основаніе, касающееся происхожденія этого монастыря въ русскія времена.

Левъ умеръ въ 1291 году и былъ похороненъ въ Спасѣ, подъ Старымъ Самборомъ. Послѣ его смерти исторія всей Галицкой Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея столицы, покрыта мракомъ. Никакихъ свѣдѣній, относящихся ко времени правленія послѣднихъ Романовичей Юрія I, Андрея и Льва II, о Львовѣ мы не имѣемъ. Въ 1325 году на престолъ вступаетъ Болеславъ Тройденовичъ, князь мазовецкій, какъ ближайшій наслѣдникъ Романовичей. Его единодушно призвали бояре, и въ виду этого очень сомнительнымъ является, неизвѣстно откуда взятое, указаніе Зиморовича ¹ на то, что онъ насильно захватилъ власть и что Львовъ заперъ передъ нимъ свои ворота, крѣпко защищенныя татарами, сарацинами и армянами, и открылъ ихъ только въ 1327 г., съ условіемъ, что Болеславъ, какъ русскій князь, разрѣшитъ мѣстнымъ жителямъ управляться своими законами и обычаями безъ ограниченія свободы, что онъ будетъ хранить княжескую сокровищницу, какъ святыню, и не будетъ предпринимать походовъ безъ общаго совѣта.

Теперь уже вполнѣ извѣстно, что Болеславъ—католикъ отъ рожденія, перемѣнилъ исповѣданіе и подъ именемъ Юрія II правилъ очень энергично. Сдѣлавшись сразу наружно ревностнымъ привержен-

¹ Historya, tłumacz. Piwocki, str. 97.

цемъ восточной церкви, онъ въ 1327 году объявилъ о своемъ желаніи перейти снова въ католичество и вскорѣ затѣмъ осуществилъ его. Такимъ же образомъ онъ рѣзко измѣнилъ направленіе своей политики; причины, побудившія его къ тому, можно толковать различно. Этотъ князь всѣми силами сталъ поддерживать католическую пропаганду на Руси, окружалъ себя охотно поляками, нѣмцами и чехами и ихъ-то главнымъ образомъ и поддерживалъ во время своего правленія. Правда, онъ считалъ своей столицей Владиміръ, но такъ же часто онъ бывалъ и во Львовѣ, гдѣ для большей безопасности хранились богатая княжескія сокровища. Въ это время онъ и возобновилъ (1334 г.) союзъ съ орденомъ Крестоносцевъ и разрѣшилъ нѣмецкимъ купцамъ пріѣзжать въ русскія земли. Весьма важнымъ является одно свидѣтельство¹, гдѣ онъ самъ называетъ Львовъ *Lemburga* и это названіе дѣлается болѣе употребительнымъ, чѣмъ первоначальное родное, которое съ наплывомъ иноземцевъ, которымъ князь покровительствовалъ, отходить на второй планъ. Съ этихъ поръ первоначальная фیزیономія Львова постепенно измѣняется. Пришлые нѣмцы, какъ болѣе цивилизованный элементъ, стали держать голову еще выше. Это имъ значительно облегчало привилегіи свободной торговли и пребыванія во Львовѣ, что они во всей полнотѣ и умѣли использовать. Уже тогда ясно опредѣляются начала той львовской торговли, которая и была главной основой того значенія, которое впо-

¹ Voigt: Cod. dipl. Pruss. II, str. 190.

слѣдствіи приобрѣлъ этотъ городъ ¹. Расположенный на главной сухопутной дорогѣ съ Запада на Востокъ, онъ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ этапомъ и торговымъ пунктомъ, гдѣ скрещивались купеческіе караваны далекой Генуи и черноморскихъ или нѣмецкихъ городовъ, главнымъ образомъ Торуньи и Нюремберга. Теперь можно только въ общихъ чертахъ утверждать, что Львовъ имѣлъ крупное торговое значеніе въ русскія времена, но если когда-нибудь архивы Генуи и Ечміадзина; Крелевца и Нюремберга будутъ болѣе основательно изслѣдованы, можетъ быть не одно второстепенное обстоятельство могло бы намъ установить это болѣе опредѣленно.

Правда, правленіе Юрія II было благопріятнымъ для иноземцевъ, но, съ другой стороны, оно возбуждало негодованіе, и съ каждымъ разомъ все сильнѣйшее, со стороны русскихъ бояръ, среди которыхъ явно выдѣлялись Димитрій Детко, придворный судья Ходзько, Юрій Лысый, Михаилъ Еліазаровичъ, Александръ Молдавовичъ и Борисъ Кракула. Католическое направленіе политики и привлеченіе въ край иноземцевъ оскорбляли національныя чувства. Даже до Польши доходили слухи ², что князь со своими подданными обращается сурово, притѣсняетъ ихъ налогами, похищаетъ и безчеститъ ихъ женъ и сестеръ. Нѣчто подобное было въ дѣйствительности;

¹ Por. Łoziński Wł.: Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwów. 1890. str. 36 i nast.

² Mon. Pol. Hist., t. II, p. 860.

недовольство росло, создалась сильнѣйшая оппозиція, и наконецъ жаръ, долго тлѣвшій, всыхнулъ яркимъ пламенемъ, и 7 апрѣля 1340 г.¹ произошла давно ожидавшаяся катастрофа. Отъ яда, подмѣшаннаго въ поданный напитокъ, умеръ во Владимірѣ князь, а съ нимъ окончилась и независимость Руси. Реакція охватила весь край, многіе приверженцы князя, католики, поплатились жизнью. Реакція эта нашла себѣ откликъ и во Львовѣ, гдѣ жертвой явились купцы-католики. Сохранился ясный слѣдъ того², что имъ были причинены большіе убытки, вслѣдствіе чего торговля прекратилась, порвались сношенія съ Западомъ, хотя не надолго.

Сосѣди Руси Казиміръ Великій и Карлъ Робертъ, король венгерскій, уже давно слѣдили за внутренними ея порядками и, въ случаѣ бездѣтной смерти князя, собирались выступить со своими притязаніями, первый, какъ зять князя, второй, какъ наслѣдникъ историческихъ правъ венгерскихъ королей, носящихъ со временъ Андрея II († 1237 г.) титулъ «королей Галиціи и Лодомиріи». Слѣдовательно, владимірская катастрофа не застала ихъ не подготовленными. Едва дошли до Кракова первые слухи о ней, какъ уже войска, которыя были наготовѣ, подъ личнымъ предводительствомъ Казимира, вступили въ русскія земли. Только спѣшно можно было дѣйствовать подъ видомъ мщенія *ius primi possidentis* (право перваго владѣльца), и неудивительно, что король

¹ Mon. Pol. Hist., t. V, p. 880.

² Voigt: Cod. dipl. Pruss, t. III, str. 83.

стремился къ червоно-русской столицѣ, отъ занятія которой зависѣлъ результатъ похода. Въ концѣ апрѣля Казиміръ уже былъ подъ Львовомъ. Неожиданное появленіе польскихъ войскъ застало городъ совершенно не приготовленнымъ къ долгому сопротивленію. Жители едва успѣли спрятаться въ укрѣпленныхъ частяхъ верхняго и нижняго города, которыя, благодаря своему положенію и средствамъ обороны, могли еще нѣкоторое время держаться.

По преданію, Казиміръ сначала занялъ монастырь св. Юрія ¹ и жестоко расправился съ тѣми, кто въ немъ заперся; однако это не подтверждается никакими доказательствами. Указанія же Длугоша ² на осаду двухъ замковъ, верхняго и нижняго, являются, какъ указано, его собственнымъ вымысломъ, не имѣющимъ никакого основанія. Такихъ замковъ тамъ еще не было, и Казиміръ окружилъ только городъ, а подградье захватилъ сразу. Среди осажденныхъ король нашелъ доброжелательно его встрѣтившій элементъ, настроенный такъ хотя бы потому, что онъ былъ запуганъ реакціей; такимъ элементомъ были нѣмцы, поселившіеся издавна во Львовѣ. Благодаря имъ городъ не могъ долго сопротивляться. Насколько онъ былъ силенъ и какъ долго могъ продержаться—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ кажется, что взятіе города обошлось безъ большого кровопролитія. Будучи окружены, осажденные, не имѣя надежды на

¹ Левъ Шептицкій: Описъ епархіи львовской 1761 г. Львовъ. 1860, стр. 10.

² Hist. Pol., t. III, p. 197.

какую-либо помощь, отворили ворота. Длугошъ говоритъ, что сдача произошла вслѣдствіе голода и подъ условіемъ гарантірованія жителямъ неприкосновенности ихъ вѣры и законовъ. На чемъ это основывается, трудно сказать, однако извѣстно, что вообще на эти условія, поставленныя русскими, Казиміръ согласился только послѣ второго своего похода.

Съ занятіемъ столичнаго города въ польскія руки перешелъ ключъ къ цѣлой Руси. Надо было только укрѣпиться во владѣніи и въ будущемъ сдѣлать невозможнымъ какое-либо сопротивленіе. Поэтому городъ долженъ былъ дать заложниковъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, а чтобы лишить городъ защиты, король приказалъ разрушить и сжечь по частямъ его укрѣпленія.

Такимъ образомъ походъ принесъ желанные результаты. Кромѣ того, побѣдителямъ досталась богатая добыча, и особенно княжескія сокровища, о которыхъ, безъ сомнѣнія, Казиміръ много мечталъ. Современные рассказы ¹ единодушно говорятъ, что сокровища состояли изъ золота, серебра и другихъ драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками. Были тамъ также княжескія вещи: двѣ драгоцѣнныхъ короны, позолоченный тронъ, осыпанный камнями, богатая мантия, много крестовъ изъ чистаго золота, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ крупную частицу древа Христова.

Забравъ все это, Казиміръ съ триумфомъ возвратился домой и въ половинѣ мая былъ уже въ Краковѣ;

¹ Rocznik Traski i Mało polski w Mon. Pol. Hist., t. II, p. 200, 860.

онъ покорилъ Русь, взялъ ея столицу, корону, скипетръ и заложниковъ, считалъ русскихъ своими подданными, и неудивительно, что въ іюнѣ 1340 года съ помощью венгерцевъ онъ отправился въ походъ во второй разъ, стоя во главѣ большого войска, около 20 тысячъ человѣкъ. Вступивъ снова въ русскія земли, онъ покорилъ немногочисленныхъ бояръ, принялъ отъ нихъ присягу въ вѣрности, запретивъ платить дань татарамъ, и занялъ всѣ города вплоть до Теребовли.

Не входя въ обсужденіе вопроса, кто владѣлъ Русью въ 1341—1349 гг., мы укажемъ только, что послѣ 1344 г. ею управлялъ уже извѣстный намъ бояринъ Димитрій Детко, какъ намѣстникъ (*capitaneus seu provisor*) венгерско-польскій, затѣмъ старался ее захватить литовскій князь Любарть, и только позднѣе ею совершенно завладѣла Польша съ помощью Венгріи. Что касается Львова, то уже съ первымъ занятіемъ его Казиміромъ тѣсно связанъ важный для него вопросъ о перемѣнѣ первоначальнаго мѣстоположенія на нынѣшнее. Была ли въ этомъ нужда и что побудило къ тому—вопросъ этотъ заслуживаетъ обстоятельнаго разбора.

Извѣстно, что подобные факты встрѣчались въ исторіи городовъ только, какъ послѣдствія великихъ катастрофъ: пожаровъ, наводненій или землетрясеній, когда совершенно измѣнялись условія жизни и тѣмъ самымъ открывались новые пути къ развитію городовъ. Пережилъ ли Львовъ въ это время подобную катастрофу? По общему мнѣнію, эту катастрофу Львова произвелъ самъ Казиміръ Великій,

приказавъ сжечь городъ въ 1340 году. Въ настоящее время, съ помощью научной критики, надо навсегда положить конецъ всѣмъ этимъ вымысламъ. Мы уже выше указали, чѣмъ ограничилось сожженіе Львова въ 1340 году. Сгорѣли укрѣпленія верхняго города, очагъ же городской жизни остался неприкосновеннымъ. Если бы было иначе, то, навѣрное, Детко уже въ 1341 году не приглашалъ бы торунскихъ купцовъ пріѣхать и поселиться во Львовѣ ¹.

Слѣдовательно, будемъ искать болѣе поздней даты той катастрофы, которая, конечно, должна была произойти въ послѣдствіи. Всѣ изслѣдователи до сего времени, разсуждая объ этомъ, ссылаются на слова еп. Захарьясевича, который въ своемъ трудѣ «*Vitae episcoporum Premisliensium*» (жизнеописанія перемышльскихъ епископовъ) сообщаетъ: *In reperiibili ad ecclesiam parochialem B. M. V. ad Nives Leopoli documento, ex antiquis actis Magistratus Leopoliensis desumpta decitur noticia: anno 1350 Casimirus veterem Leopolim tradi igni fecit et locum novae urbis struendae designavit eamque moenibus et gemina arce munivit eodemque anno (1350) fundamenta modernae Cathedralis iecit* (Въ документѣ, находящемся въ приходскомъ костелѣ Маріи Снѣжной въ гор. Львовѣ, есть свѣдѣніе, заимствованное изъ древнихъ актовъ львовскаго магистрата о томъ, что въ 1350 году Казиміръ приказалъ сжечь старый Львовъ, указалъ мѣсто для постройки новаго города, который укрѣпилъ стѣнами и двумя замками, и въ

¹ Voigt: Cod. dipl. Pruss., t. III, p. 83.

томъ же самомъ (1350) году заложилъ фундаментъ для постройки кааедральнаго костела). На основаніи этой статьи, профессоръ Шараневичъ, Видманъ ¹, Кунасевиць, Вагилевичъ и другіе вывели лишь одно заключеніе, что упомянутый документъ долженъ былъ находиться въ указанномъ костелѣ, и если Захарьясевичъ его цитируетъ, то, очевидно, онъ имѣлъ его въ своихъ рукахъ. Такой документъ имѣлъ бы важнѣйшее значеніе въ исторіи Львова. Тѣмъ временемъ, идя по ниткѣ до клубка, не трудно будетъ доказать, что подобный «документъ» не только въ костелѣ Маріи Снѣжной, но и вообще нигдѣ не существовалъ, и всѣ свѣдѣнія о немъ возникли вслѣдствіе неяснаго выраженія Захарьясевича. Ибо самъ авторъ въ прежнемъ своемъ трудѣ о львовскомъ соборѣ ², ссылаясь на упомянутую статью, объясняетъ слѣдующимъ образомъ, откуда онъ взялъ ее: «Среди документовъ, находящихся въ костелѣ Маріи на Краковскомъ предмѣстьѣ, находится краткое *описаніе* возникновенія и порядковъ этого же костела приходскаго священника Яна Вержбицкаго, представленное въ 1766 году архіепископу Сѣраковскому. Въ этомъ описаніи упомянутый священникъ ссылается на якобы найденные въ архивѣ города Львова документы львовскихъ костеловъ, удостовѣряющіе ихъ права. Вотъ это описаніе и назвалъ позднѣе Захарьясевичъ *documentum*, что и привело всѣхъ въ заблужденіе.

¹ Obrona maista Lwowa, w Przeglądzie archeol. Lwów. 1890, zeszyt IV, str. 224.

² Czasop. zakł. nar. im. Ossol. r. 1829 zes. 4, str. 78—9.

Но пойдѣмъ далѣе. Опять-таки «описаніе» ссылается на «документы» костеловъ. О какомъ же документѣ и какого времени идетъ рѣчь, разъ что въ настоящее время въ мѣстномъ архивѣ такового нѣтъ? Вопросъ этотъ кажется неразрѣшимымъ, такъ какъ рукопись пропала, однако аналогія можетъ привести къ заключеніямъ, которыя проливаютъ свѣтъ на его происхождение и цѣнность. Означенное извлеченіе сразу приводитъ на память статью въ лѣтописи Зиморовича. Извѣстно, что этотъ авторъ, кромѣ исторіи Troistego Lwowa (Тройного Львова) составилъ еще описаніе самаго города и его костеловъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что это описаніе, теперь затерянное, существовало въ прошломъ вѣкѣ въ мѣстномъ архивѣ, откуда священникъ костела Маріи Снѣжной и взялъ матеріалъ для своей исторіи.

Если мы согласимся съ указаніями, что Казиміръ Великій дѣйствительно приказалъ въ 1350 г. сжечь Львовъ,—невольно возникаетъ вопросъ, что именно побудило его рѣшиться на такой крайній шагъ. Желаніе привести городъ въ лучшее состояніе или желаніе его покорить совершенно? Дѣйствительно, современные источники подтверждаютъ, что король въ августѣ мѣсяцѣ этого года былъ во Львовѣ ¹, но о приписываемомъ ему пожарѣ они совершенно молчатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ въ нихъ подробности, представляющія все дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ.

¹ Rżyszczewski i Muczkowski; Kodeks dypl. Polski, t. III, str. 229.

Съ претензіями на владѣніе Русью въ 1347 году выступилъ также князь литовскій Любарть, который съ помощью всей Литвы пошелъ противъ Казимира. Война происходила на русской территоріи. Главной цѣлью литовскихъ походовъ былъ—Львовъ. Отъ хищническихъ набѣговъ Любарта страдала вся страна. Янко изъ Чарнкова ¹ подъ этимъ годомъ говоритъ, что *Litwani Wladimiriam et Lwow civitates, oppida, villas vastaverunt redingentes in cinerem et favillam* (города Владиміръ и Львовъ, мѣстечки и деревни были литовцами разрушены и обращены въ пепелъ).

То же самое грозило и въ слѣдующемъ году. Казиміръ со значительными силами поспѣшилъ ко Львову, но, тяжело заболѣвъ, воротился съ дороги. Городъ, лишенный защиты, постигла печальная участь. Anno 1351,—говоритъ лѣтопись ²,—*vastata fuit antiqua civitas Leopoliensis feria tertia infra octavas...* (не разборчиво)... *per infideles protunc Lithuanos, ubi multi Christiani fuerunt interempti* (въ 1351 г. уничтоженъ былъ древній городъ Львовъ на третій день октавы... литовцами, въ то время язычниками, при чемъ многіе христіане были убиты).

Спустя два года Любарть выступилъ въ походъ третій разъ и дошелъ до Львова. Лѣтопись ³ кратко описываетъ этотъ фактъ: «Въ 1353 году послѣ праздника Троицы, т.-е. послѣ 19-го мая, литовцы опу-

¹ Mon. Pol. Hist., t. II, p. 885.

² Mon. Pol. Hist., t. III, p. 251.

³ Mon. Pol. Hist., t. II, p. 885.

стошили Львовъ, убили много людей»; однако въ этихъ словахъ заключена великая трагедія исторіи червоно-русской столицы.

Старый городъ Льва—*antiqua civitas Leopoliensis* исчезъ съ лица земли, и это является доказательствомъ, что не Казиміръ, а трехкратный походъ литовцевъ обратилъ старый Львовъ въ кучу пепла и былъ именно той катастрофой, съ которой началась его новая эпоха. Рядомъ съ пепелищемъ и развалинами *русскаго* города, возникъ новый городъ—Львовъ *польскій* съ совершенно другой фізіономіей.

Казиміръ Великій, утвердившись на Руси, въ первую очередь горячо занялся ея столицей. Занявъ ее, онъ не могъ допустить, чтобы она совершенно исчезла, какъ исчезли нѣкоторые другіе русскіе города, разрушенные татарами и Литвой. Наплывъ новыхъ людей съ Запада облегчилъ ему задачу сооруженія города, но, съ другой стороны, слѣдовало выбрать новые подходящіе для его развитія пути.

Новый городъ, построенный по образцу западныхъ городовъ, началъ не только принимать совершенно другой видъ, но прежде всего былъ перенесенъ на новое мѣсто. Ни гора съ ея террасами, ни старое подградье, неудобное для укрѣпленій, вслѣдствіе возвышающейся надъ нимъ горы, не годились для сооруженія здѣсь города по образцу западныхъ городовъ, образцу до того времени на Руси не извѣстному,—города, который былъ бы не только крѣпостью, какъ первоначальный Львовъ, но отвѣчалъ бы требованіямъ торговой и промышленной жизни.

Въ такомъ именно видѣ и рѣшилъ Казиміръ отстроить свой Львовъ, такимъ городомъ и хотѣлъ онъ его видѣть, т. е. не расположеннымъ на горахъ и являющимся сильной крѣпостью, благодаря лишь исключительному расположенію и изгородямъ, какъ было до тѣхъ поръ, но защищеннымъ надежными укрѣпленіями: каменными и кирпичными стѣнами и бастіонами, окружающими дома, костелы, съ правильно проложенными улицами и рынкомъ въ центрѣ. Вполнѣ понятными являются соображенія, побудившія Казиміра Великаго при основаніи города и дарованіи ему магдебургскаго права выбрать ему новое мѣсто, ниже бывшаго подградья—надъ Пелтвой. Здѣсь именно, въ плоской болотистой котловинѣ, гдѣ до сихъ поръ было столько монастырей, послѣ 1353 года вознесся польскій Львовъ, обведенный съ четырехъ сторонъ стѣной съ башнями, рвомъ и двумя замками. На мѣстѣ стараго русскаго города на горѣ былъ выстроенъ Высокій замокъ ¹, а подградье стало Краковскимъ предмѣстьемъ новаго города.

Такимъ образомъ, Казиміръ Великій вполнѣ справедливо долженъ быть названъ основателемъ второго Львова, который лишь общее названіе связываетъ съ первоначальнымъ русскимъ городомъ.

